

18+ НАТАЛИ ЯКОБСОН

Рианон-2. Крылатый воин и огненная принцесса

ИМПЕРИЯ ДРАКОНА

Натали Якобсон

**Рианон-2. Крылатый воин
и огненная принцесса.
Империя дракона**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55560782
ISBN 9785449892812*

Аннотация

Мадеэль нарушил все магические запреты и забрал Рианон жить к себе в заоблачный замок. Жизнь там – сплошное волшебство, а объятия прекрасного ангела стоят того, чтобы забыть о потерянном королевстве смертных. Но кто-то темный и мрачный из черного воинства Мадеэля начинает искушать Рианон. Проверив его слова, принцесса понимает, что Мадеэль хранит от нее слишком много секретов. А по ночам в замок среди облаков прилетают мрачные гости.

Содержание

Часть вторая	5
Крылатый воин и огненная принцесса	6
Воинство Люцифера	6
Долина драконов	61
Башня Мадеэля	102
Почти небеса	133
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Рианон-2. Крылатый воин и огненная принцесса Империя дракона

Натали Якобсон

© Натали Якобсон, 2020

ISBN 978-5-4498-9281-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-9282-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть вторая

Крылатый воин и огненная принцесса

Воинство Люцифера

Темная Коса – подходящее название для горного хребта, который черной полосой выделяется на фоне земель, охваченных чумной заразой. Собственно говоря, это была и не чума, а болезнь, которую разносили падшие. Сами они лишь страдали от собственных гноящихся ожогов, и мучения эти длились пока стоит мир, но для людей подхвативших эпидемию почти тотчас наступала смерть. Ужасно мучительная смерть. Ему нечего было опасаться ни болезней, ни гибели и, конечно же, обладая крыльями, он вовсе не должен был ступать по зараженной почве, однако он беспокоился ни о себе. На ум пришла смертная девочка...

Смог бы он подхватить ее и перенести к себе в башню без риска того, что она заразиться и умрет. Вдруг миазмы противоестественной колдовской болезни настигнут ее даже в высоте. Насколько сильные испарения могут исходить от земли, по которой ползают в неимоверных муках его гноящиеся живьем собратья?

Мадеэль легко достиг вершины своей башни. Со стороны

казалось, что она уходит в самые небеса. Почти так оно, наверное, и было. Однако когда-то его путь все же лежал выше. А теперь рельефный парапет крыши всегда скрывало черное облако. Хотя зачем? Все равно люди не могут увидеть эту башню. Путь сюда лежит через Черную Косу с одной стороны и через Мертвую долину с другой. Любой смертный не выживет, ступив на эти земли. Да он и не спешил показывать всем подряд место своего уединения. И все равно маскировка стала для него обязательством. Он не поощрял игру в прятки, в отличие от его бывших соратников, ныне безнадежно обезображенных, он не нуждался ни в каких укрытиях и чужих личинах. Однако долг есть долг. После поражения приходится его выполнять.

Первое поражение осталось единственным, но оно унесло почти все. Или так только казалось. Мадеэль вспомнил о золотом создании, спавшим в его шатре. Подумать только, он мог никогда не увидеть ее. Даже одна такая мысль почему-то была мучительной. Он представил себе, что этой девушки не станет, что он возьмет в руку пригоршню золотых волос и одним быстрым ударом меча отделит ее голову от тела. Так он в общем и должен был поступить, но даже думать об этом было невыносимо. Нечто подобное он испытывал лишь тогда, когда его тела коснулся небесный огонь, вернее той эфирной субстанции, которая была когда-то его телом и душой одновременно. Теперь все изменилось, но огонь, однажды обжегший его, продолжал разь-

едать тело ядом до сих пор. Конечно, видимые ожоги прошли, но память о них жила. Многие думали, что это незакономерно. Полководец ужасающей армии сохранил первозданный ангельский лик. Но и цена за это была высокой.

— Оставь мне меч, чтобы я мог карать грешников и оставь мне мое лицо, чтобы все знали, от кого исходит наказание, — это была его единственная мольба, но и та не была до конца исполнена. Благоволение всевышнего это просто слова, он мог убрать гноящиеся червями шрамы с лица своего любимца, но он не очистил от ран его душу. От ран, которые сам же велел нанести. Теперь Мадеэль ощущал, как внутри него разверзается черная бездна, еще более выжженная и исходящая черным гноем, чем тело его собратьев по оружию. Внешне он оставался светел, внутренне сгнивал заживо. И ощущение сосущей черной пустоты внутри него лишь усиливалось из века в век.

— Оставь мне меч, чтобы я мог карать грешников...

Эту просьбу бог выполнил в полной мере. Теперь каждое поле сражения ожидало его. Ни одна битва не обходилась без его участия и его суда. И не только битвы. Он вершил свой суд от имени бога не только на военном ристалище и сам не понимал, зачем делает это. Все происходило как во сне. Он выполнял свой долг с покорностью, хотя давний страх, снова быть обожженным в случае неповиновения, уже давно прошел. Звуки битвы долетали до его ушей, где бы он не находился, и он тут же устремлялся туда, где происхо-

дит сражения. Звон мечей стал призывным для него. В бою он входил в азарт. Нравилось ли ему убивать? Возможно, он точно не мог сказать, зачем вновь и вновь заносил свой меч над головами противников, когда победа уже решена. Может быть, он уверенно чувствовал себя лишь на поле боя, потому что вокруг него будто снова звучало эхо той первой небесной битвы. Иногда он закрывал глаза и видел все это снова и тогда его меч становился действительно беспощадным. Странно, кидаться в битву вновь и вновь, чтобы снова ощутить эхо той первой войны и первого поражения. Он никогда не уставал это ощущать и переживал это снова и снова. Каждая битва была отражением той. Единственным различием было то, что под его ступнями теперь находилась твердая земля, а не хрупкая грань облаков. Он не мог пасть ниже, чем он уже находился. Возможно, именно поэтому здесь он всегда оказывался победителем. Первый среди павших...

Мадеэль облетел кругом вокруг своей башни прежде чем присесть на край парапета. У этого здания не было ни входов, ни выходов, никаких дверей, створок и амбразур, лишь одно арочное окно в недостижимой для лестниц высоте. Больше ему было и не нужно. Такое месторасположение было удобно как раз для тех, кто обладал крыльями.

Шатер, который он каждый раз раскидывал вблизи поля брани, был удобным, но снова и снова он прилетал именно сюда. Это место манило его, как дом. В действительности оно и должно было быть теперь его домом. Внутренность

башни целиком передавала все то, что было у него на душе. Пурпур и чернота. Лишь вначале это место могло показаться роскошным, но стоило присмотреться повнимательнее и сразу становились заметны, обугленные тела, ползающие по начищенному паркету, острые когти цепляющиеся за золотые перила бесконечных темных лестниц и черные силуэты, прячущиеся за пурпурными драпировками. Жалкие остатки командиров его когорт. Теперь они скрашивали время тем, что ожидали здесь его. Иногда он приходил для того, чтобы прервать их страшный пир, на котором терзали трупы и пили кровь из золотой утвари, а иногда он просто наблюдал за ними и пытался вспомнить, какими красивыми и достойными они были когда-то. Теперь было сложно даже представить себе их прежние лица на фоне окружающей черноты. Все они – молекулы его воинства, стали черными, как его душа. Один он остался светлым и потому казался какой-то чужеродной частицей среди них. Черные твари вздрагивали, когда он к ним приближался и отползали в тень. Они его боялись, несмотря на то, что он один здесь сохранил вид внешней невинности и уязвимости. Что ж, внешность обманчива, и клочок скользких слипшихся тел под его ногами теперь вызывал у Мадезля лишь омерзение. Он переступал через осклизлые тела и шел дальше. Он едва различал их теперь. Его любимцы, его соратники, те кого он уважал и на кого рассчитывал, все слились в один ужасающий и смрадный черный комок, едва очерченные движениями обезображен-

ных тел. Как представить на фоне этой жуткой массы одухотворенные лица его помощников. Они были так прекрасны когда-то, так соблазнительны, хотя у них и не было тогда тел. Теперь вместе с ощущением собственной материальности начались мучения. Огонь не только сжег их, он продолжал причинять боль до сих пор. Его бывшие избранники извивались и корчились в муках на залитом слезью мраморном полу. Сами их тела теперь выделяли эту отвратительную вонючую жидкость. Обожженные до состояния пепла, они продолжали истекать гноем. Под черной коростой уже не было лиц, только жутко сверкающие глаза. И это его бывшие ангелы, самые прекрасные на небесах... Мадеэль поймал себя на мысли, что сейчас уже не пытается представить их прежних лиц, он ведь недавно увидел то, что было куда красивее.

– Ты ее нашел да? И забрал себе? – выползшее из-за драпировки черное существо всегда оставалось одиноким. В прежнем его правая рука. Этот ангел давно перестал быть собой. А Мадеэль уже перестал испытывать отвращение к скользкому следу на полу, которое оставляло продолговатое туловище, вытянутое, будто хребет самой Темной Косы. Фиалковые глаза сверкали на него с темного месива, когда-то бывшего лицом. Иногда к ним возвращался прежний цвет. Мадеэль отошел чуть в сторону, он видел, что другие старательно избегают его бывшего доверенного лица и сам кажется готов был последовать их примеру.

– Да, нашел, – все же ответил он. – Твои услуги мне боль-

ше не нужны. Тебе больше не придется похищать светловолосых девочек, чтобы найти одну избранную. Если будет нужно, я перережу ей горло сам. Вершить суд над смертными моя привилегия.

– Но... – тварь под его ногами подалась чуть назад и стремительно выгнулась, будто желала снова принять очертания черного дракона. Мадеэль предупредил его попытку запрещающим жестом руками.

– Никаких возражений, – прошипел он, спокойно, но твердо, это действовало на них еще сильнее, чем гнев. – Я все еще ваш господин. И едва кто-то посмеет послушаться меня...

Он намеренно не закончил, фраза оборвалась тихим шипением, и тварь у его ног тут же отшатнулась назад, быстро, будто черная молния.

– Выполняй мои поручения, – смягчившись, бросил он. – Ползай, поедай трупы павших воинов и следи хорошенько за тем, чтобы следующее сражение не началось раньше, чем Менуэл накопит достаточно сил.

– Вам нужна передышка?

Даже если в заискивающем голосе подчиненного и послышались коварные нотки, Мадеэль снисходительно проигнорировал их.

– Мне нужна ночь на раздумья, – уходя бросил он.

Ее разбудили звуки арфы. Странно, но заунывный звук

проникал сквозь пурпурные занавеси шатра. Они должны были изолировать звуки, но сейчас почему-то легко пропустили их. А может музыка звучит в самом шатре. Рианон неохотно раскрыла глаза. Ей хотелось спать и видеть во сне его белоснежные крылья, а этот звук вырывал ее из блаженного покоя. Он так четко напоминал о том, что осталось позади. Ее потерянное королевство, жестокость регента, нежеланный брак и... несчастный менестрель под окном. Остатки сна тут же слетели с нее. Рианон поднялась и села на ложе. Звук казалось исходил отовсюду, просачивался сквозь каждый полог шатра и был таким заунывным, будто это вовсе не арфа, а плач.

– Кто здесь? – спросила она, но ответа не последовало. Тогда Рианон внимательно осмотрелась. Она не чувствовала рядом присутствия невидимых слуг или кого-либо еще. Но ведь кто-то же здесь должен быть или музыка исходит из самой небесной сферы. Ей стало любопытно и в то же время как-то неуютно. От этих звуков дрожь пробежала по коже.

Рианон вдруг вспомнил менестрель Арно. Кажется, на том приеме, куда пришли мстить фейри, его арфа издавала точно такие же натянутые жалобные звуки. Теперь они стали почти щемящими. Ей вдруг представилась совсем другая картина, валун у моря, дама, рыжая, будто осень, которая сидит и ждет кого-то, а к ней подкрадывается нечто темное.

Соитие с падшими. Рианон вздрогнула. Ей это же не ка-

залось таким прекрасным. Она представила, как женское тело извивающееся на земле покрывает собой отвратительная гниющая масса с почерневшими от ожогов крыльями. И женщина кричит. Нет, она хотела не этого. Рианон в ужасе обернулась. Ей почему-то расхотелось вдруг даже думать об Арно, будто он каким-то образом нес в себе частицу всего этого кошмара, как прокаженный несет с собой заразу.

– Убирайся! – прошептала она невидимому музыканту и как это ни удивительно он послушался ее.

Когда она проснулась в следующий раз, над ней уже склонился Мадеэль, без плаща, крылатый, удивительно красивый, его кожа светилась под расстегнутым воротом одежды. При виде такой красоты все страхи тут же отступили. В нем не было ничего черного и ничего пугающего. Только свет и пустота. Неужели небесный огонь выжег все чувства из его нутра, осталась только внешняя светящаяся оболочка. Рианон почувствовала себя глубоко задетой. Почему он не может просто влюбиться в нее, как влюбился бы любой человек, окажись он сейчас на его месте. Все кто видели ее до безумия влюблялись. Это было ее особенность. Она уже привыкла к этому, но его это ведь могло и не коснуться. Ей вдруг захотелось ударить его, сделать ему больно, сказать что-нибудь оскорбительное. Но Мадеэль заговорил первым. Он произнес несколько фраз на шипящем непонятном ей языке и Рианон нахмурилась.

– Ты что-нибудь понимаешь? – следующая реплика уже

была сказана как обычно.

Она только покачала головой.

– А что ты сказал?

– Да так... – он пожал плечами и в такт им плавно трепыхнулись крылья. Они будто жили у него за спиной сами по себе и в то же время чувствовали колебания тела, к которому присоединены.

– У меня был нежеланный гость... мне так показалось, – она вспомнила музыку, которая проникала внутрь шатра. Звуки лились будто водный поток, влекущий и безжалостный. Они заставляли бояться и плакать.

– Он больше не придет, – Мадеэль тихо опустился рядом на ложе, по тону его голоса было ясно, что это обещание. Рианон ощутила приятный трепет, когда длинные пальцы провели по ее плечу. Во сне рубашка сползла вниз и оно обнажилось. Рианон почти с недоумением посмотрела на расстегнутый кружевной ворот и прозрачный батист. Он почти ничего не скрывал, но ей вдруг захотелось снять и это. Искушающий жест Мадеэля будто говорил, что красивому телу не нужны одеяния. Она послушалась и сняла сорочку. Она ожидала, что он смутится, но прозрачный взгляд оставался спокоен. Его руки легли на ее худые плечи. Ей не пришлось забинтовывать грудь, та была настолько маленькой, что ее невозможно было заметить под камзолом. И Рианон легко принимали за мальчика. Конечно, ведь перед другими ей не приходилось раздеваться. Даже теперь воитель пленивший ее не требо-

вал от нее ничего подобного, но ей захотелось это сделать самой. Она осторожно коснулась его рук направляя вниз. Еще миг и холодные бархатистые руки легли ей на груди. Рианон вздрогнула. Желание стало невыносимым. Он все еще смотрел ей в глаза, но не осмеливался поцеловать и тогда она сама потянулась к его губам.

– Расскажи мне о себе, – попросила она, уже ловя его дыхание. – Как получилось так, что ты создан таким красивым, что никто не может перед тобой устоять.

Это было почти поощрение. Она обольщала дьявола. Сама без его начинаний или уговоров. Но он очевидно не привык к флирту.

– Я не выбирал каким быть, – неожиданно серьезно ответил он. – Я просто получил это, а вместе с этим боль от осознания того, что я одинок, потому что для меня не найдется достойной пары. Теперь появилась ты. Но как я ни стараюсь, а твоим другом стать не могу, потому что ты видишь во мне высшее существо...

– Тогда стань моим богом, – и она сама прильнула к его губам. Время для разговоров окончилось, по крайней мере на какой-то час или несколько. Она целовала его сначала осторожно, потом сильнее. Сколько мгновений прошло до того, прежде чем он понял, что на это нужно отвечать. Губы, мягкие, как лепестки роз, оказались вдруг неожиданно властными. Вот каково это, заниматься любовью с ангелом, руки, убивающие смертных, легко, будто косят рожь,

нежно ласкают тебя, губы, способные выдохнуть пламя, дышат в твои уста ароматом лилий. Рианон не представляла себе ничего более прекрасного. Вот ради этого стоило жить и умереть. Даже ощущение того, что он сделан не из плоти, а из мрамора только возбуждало. Ее руки скользили по гладкой холодной коже. Она так и не смогла нащупать на гладкой груди соски. Она рассчитывала, что там намечаются хотя бы гладкие золотистые бугорки, но ничего такого не обнаружила. Однако, когда ее рука скользнула ниже, Рианон не разочаровалась. Ее поразил лишь легкий испуг, нечто твердое и возбужденное внизу его живота мало напоминало то, что бывает у людей. Скорее это был кусок мрамора, холодный и острый, такой мужской орган может быть только у статуи, не у человека. Она испугалась, что будет больно, но Мадеэль прошептал ей в ухо что-то успокоительное. Как и раньше слова прозвучали на его небесном наречии, но Рианон догадалась, что они означали что-то ласковое. Он быстро отвел за уши пряди непокорных волос, сбросил остатки одежды и крепко обхватил ее.

– Теперь тебе приятно быть пленницей? – Мадеэль легко опрокинул ее на спину и сам склонился над ней. Мощные руки оплетенные золотыми браслетами упершись по обе стороны от ее плеч. Пряди длинных русых волос свесились вниз, касаясь ее лица.

– О, да, – Рианон ощутила, как что-то твердое упирается ей вниз живота и непроизвольно развела колени.

Он мгновение смотрел на нее, будто болезненно ощущал всю человеческую хрупкость своей пленницы. Стройное, почти худое тело, золотые локоны, разметавшиеся по подушке, маленькая грудь и хрупкие руки. Она попыталась обнять его за шею. Он был так близко и в то же время казался недосягаемым из-за своих крыльев распростертых над ложем. Они скрывали их будто балдахин, все нити которого светятся призрачным неземным светом. Рианон хотелось бы, чтобы это он лежал внизу. Хотелось увидеть его голову на подушках и прижать к ложу трепещущие крылья. Но возможно они смогут попробовать это потом. Ведь сейчас только первый раз.

Ощувив первый мощный толчок, она вскрикнула, но боли не последовало. Странно, в нее будто впился кусок мрамора или острие меча, а по телу разливалось лишь приятное тепло. Она подалась ему навстречу, будто ловя упоительные позывы наслаждения. Еще миг и они уже двигались вместе, четко улавливая ритм друг друга. Он был осторожен вначале, затем толчки стали сильнее. Он будто стремился выиграть еще одну битву. Она уже была его пленницей, но он, будто забыв об этом, стремился еще раз доказать, что он действительно ее пленил. В тот миг, когда они достигли пика наслаждения, это действительно было так. На миг их тела стали единым целом, ее человеческое и его ангельское. Рианон прикрыла веки, ощущая, как на лбу выступают бисеринки пота, а в лоне затихают последние сладостные позывы. Его

руки ласкали ей плечи, касались локтей и сплетались, будто играя с ее пальцами.

– Вот теперь я действительно чувствую себя победителем, – Мадеэль лег рядом и крепко обнял ее.

Это твое поражение, а не победа, ты ведь наверняка клялся никогда этого не познать, хотелось сказать ей, но вместо этого она только прижалась к его плечу и тихо спросила:

– Ты бы пал еще раз ради меня?

– Да, – он ответил быстро и не задумываясь, тонкие нечеловеческие пальцы еще крепче вцепились в нее, будто не желали никогда отпустить.

– Почему? – вопрос занимал ее наверное даже больше чем его. Мадеэль только слабо улыбнулся, осторожно провел пальцами по линии ее позвоночника, коснулся шеи, слегка погладил щеку. Наверное, он учился любить в первый раз, но от этих прикосновений можно было растаять.

– Потому что ты этого стоишь, – наконец ответил он. – И мне вовсе не нужна твоя душа. То что ты можешь подарить мне вместе со своим телом уже стоит всего.

Он сдержал свое обещание и вознамерился отдать ей все, что у него было. А это было немало. Как Рианон успела узнать, все сокровища мира пошли от падших. Драгоценные камни, металлы, особенно золото. Все, что вызывает войны и алчность самый великий воитель принес с собой. Для людей это было зло, манящее и губительное. Будь она умной

она бы отказалась от всего этого, но, боже, как было приятно это иметь.

Рианон взвешивала на ладони золотое ожерелье, которое со стороны могло показаться кружевной нитью со вплетенными в нее жемчужинами, так оно искусно было сделано. Сразу было заметно, что это работа не смертных ювелиров. Как впрочем и ларец драгоценных безделушек, который теперь стоял перед ней на столе. Здесь были кольца, перстни с крупными камнями, браслеты, цепочки, медальоны, тиары и венцы. Крупные рубины, сапфиры и алмазы переливались на изящно свитых золотых пластинах. Глаза разбегались от цветов и многообразия драгоценных камней, но основной составляющей частью всего все же являлось золото.

– Оно действительно похоже на тебя, – заметила Рианон, разглядывая, как свет преломляется в золотой кайме ожерелья в ее руках. – Такое же, как ты. Когда смотришь на него, кажется, что весь свет только от него и исходит, а другого источника просто не существует.

– Это и есть источник, – напомнил он. – Раскаленный луч солнца, из которого можно сделать все, что угодно.

– И ты свил себе из него украшение?

– Да, давно... – он задумался, будто припоминая что-то. – Никто там, в высоте, не имел права носить украшения. Нас ничто не отличало. Да нам и не нужны были никакие украшения. Мы сами украшали собой небеса. Я был первым, в ком проснулось тщеславие. Мне хотелось хоть чем-то себя

украстить, чтобы отличить от других. А теперь я буду украшать тебя.

Он запустил пальцы в ее локоны и Рианон вдруг ощутила в них тяжесть жемчужных нитей. Жемчуг обвился вокруг каждой пряди так тесно, будто образовывал сетку, и в то же время волосы оставались свободно ниспадать на плечи.

– Ты правильно сделал, – Рианон проигнорировала то, что в ее кудрях теперь словно поселились живые извивающиеся змеи из жемчуга и посмотрела на его руки, увитые золотыми пластинками. – Тебе это очень идет.

Он на миг потупился, рассматривая свои покрытые золотыми узорами ногти и пальцы. Золотые бугорки резко выделялись на фоне кожи и в то же время как бы вращались в нее.

– Ты даже не спросила, могу ли я это снять?

– Разве не можешь? – она отложила овальное зеркальце в золотой оправе, в котором уже рассматривала себя. Ей почему-то казалось, что там внутри крошечного стекла кто-то живет и смеясь следит за ней, чтобы в нужный момент поправить выбившийся локон или стереть мимическую морщинку у ее отражения и тогда эти изменения произойдут и в действительности. Стараясь поймать взглядом в зеркале чужеродное существо Рианон не сразу вникла в суть его слов.

– Думаю, что смогу, – он будто оценивая взглянул на браслеты.

– И поступишь зря. Они как бы нужны тебе, – она не зна-

ла, как сказать... Эти украшения словно делали его тайной. Они сливались с телом, но жили будто отдельно от него.

– Я не должен их снимать, – только и сказал Мадеэль. Рианон поняла, что тема исчерпана. Правда из уст ее собеседника вырвался долгий вздох, он будто силился сказать что-то еще и не мог, но она уже перевела взгляд на шкатулку, полную изящных изделий из крупного жемчуга. Она появилась здесь внезапно. Еще миг назад Рианон ничего подобного не видела.

– Это уже не золото, – заметила на.

– Дань от обитателей моря, – отмахнулся он с явным пренебрежением. – Они всегда приносят жемчуг и кораллы. Так похоже на их слезы. Те тоже всегда кровавые или белые.

– Ты хочешь сказать, что собираешь дань... – она изумилась, хотя что в этом было предосудительного, он ведь их господин и разве она раньше не знала, что кто-то облагает всех волшебных созданий налогами, а еще наводит на них жуткий страх. Не удивительно, учитывая то, кем являлись они и кем был он, но все же довольно жестоко, если задуматься о том, что все-таки он вовлек их во все это. Конечно, он призвал их и соблазнил. Смотря на него, невозможно было не соблазниться, но теперь Рианон отчасти понимала их гнев и злость. Она невольно встала на их сторону. – Но ведь они сражались с тобой...

– И проиграли. Не окажись они достаточно трусливы и все было бы иначе. Особенно подвели твои любимцы, фейри,

смешливые и безголовые. Их оружие лишь издевательства и шутки, а справиться силой с ними может любой без труда. Другие были сильнее, но у нас был слабый арьергард. И слишком заносчивый руководитель...

– О, ты обвиняешь и себя?

– Я должен был больше думать о самом сражении, а не кипеть от ненависти и жажды мести. Гнев только отнимает сил, а не прибавляет их, даже если этот гнев праведный.

– Мести? – обескуражено переспросила она.

– Помнишь, я отстаивал свои права.

Она вспомнила все, что можно было вычитать о восстании Денницы из священных писаний. Чаще всего это были лишь бессвязные обрывки, которые давали мало представления о всей сокрушающей картине небесной борьбы и уж тем более там не было описания четких причин и характеристик. Как он восстал, в сопровождении каких сил, зачем, почему, чем он был недоволен? Все это оставалось тайной. Однако постепенно она узнавала что-то сама. Возможно, знания передавались ей от него. Часто она смотрела в его глаза и видела в них обрывки его грандиозного прошлого.

– Тебе было больно, – заметила она, это был не вопрос, а утверждение, и она имела в виду вовсе не наказание постигшее его после битвы, а то, что произошло до этого.

– Всегда больно узнавать о несправедливости, когда сам еще не совершил ничего подобного, – произнес он. – Теперь все изменилось. Я сделал первый шаг в бездну и боли боль-

ше нет. Люди могут погибать и изводить друг друга рядом со мной, а мне все равно. Я прохожу не оглядываясь на их каверзы и мучения, потому что сам стал хуже всех.

– Нет, – она возразила так яростно, будто сама числилась в легионе его ангелов. – Ты не хуже всех и никогда таким не станешь. Ты лучше всех и всего, что я видела.

– Потому что я пожалел тебя? Людям свойственно боготворить лишь того, кто оказывает им милости.

Она покачала головой.

– Идеальное творение бога восстало против него лишь потому, что не могло смириться с тем, что все вокруг него несовершенно. В этом нет зла.

– Тогда его не будет и в том, если ты однажды восстанешь против меня. Просто повернется еще раз колесо неизбежности. И тогда я пострадаю от того же, что однажды учинил сам.

Она нахмурилась.

– Ты этого хочешь?

Мадеель лишь слегка пожал плечами.

– Я этого боюсь.

– Что значит, мы не можем наступать? – Манфред орал как сумасшедший, ни чуть не стесняясь того, что все сжавшиеся по углам залы советники его слушают. Всего миг и золотой кубок полетел в голову посла. Манфред лишь чуть-чуть промахнулся. Молодой человек уцелевший лишь

благодаря своей юной проворности не смел дальше говорить и слово взял Лерой. Он примчался сюда, едва прознал о чрезвычайных обстоятельствах возникших на полях возле намеченного ристалища. Вначале крестьяне боялись об этом сообщить из-за риска вытоптать посевы. Но потом пришлось сознаться.

– Изморозь, покрывшая поля не единственная причина, – неуверенным тоном начал молодой человек.

– Не единственная? – Манфред сжал кулаки, так что побелели костяшки пальцев и Лерой не без основания начал опасаться, что следующий тяжелый предмет попавшийся под руку монарху непременно полетит в него. Король был сейчас так разгневал, что можно было не сомневаться в том, что в случае необходимости он снимет со своей головы тяжелый венец и воспользуется им как орудием наказания и все же Лерой взял на себя смелость продолжить.

– Тонкий лед слишком уж скользкий для наших коней и латников. А еще его не могут растопить даже видимое потепление и костры. Кажется иногда, что под коркой льда нечто завелось... – он помедлил, как объяснить на словах то, что он сам недавно видел. Казалось, это не поддается никакому объяснению. Ни те звуки, ни те голоса, ни движение крошечных тел подо льдом невозможно описать словами и уж тем более убедить собеседника в том, что все это не бред, но Манфред, будто понял его и кивнул.

– Продолжай!

Осмелев юноша сделал шаг вперед. Его руки дрожали и он сцепил их перед собой. Даже на поле битвы в самый разгар кровавой резни он не чувствовал себя таким беспомощным как здесь. Напротив, там он был на своем месте. В схватке ведь имеет значения лишь физическая сила, а здесь всего одного слова короля хватит для того, чтобы он лишился головы. Лерой уже представил себе приказ о казни и топор палача. Перед смертью он решил быть честным. Все равно терять уже нечего.

– Местные селяне клялись, что видят кого-то на полях, кто-то, кто более смелый, кто побывал у поля битвы, клялись, что наблюдали, как копошатся трупы или какие-то существа возле трупов. Конечно, мы казнили свидетелей, как мародеров, но слухи не прекратились. Говорят, кто-то стучится по ночам в крестьянские дома, топчет и жжет посевы, даже поедает трупы на кладбищах и на полях сражений. Мы в это конечно же не верили, но ночью, когда решили выступить в очередной раз мы действительно увидели.. – он с трудом сглотнул, не зная, как описать. – Целое поле таких существ. Черных существ. И они действительно поедают трупы.

– Они угрожали вам? – Манфред напрягся.

– Не в словах, – честно признался юноша. Он действительно не слышал слов, только чавканье и гневный клекот, как в общем и все его соратники. – Да дело и не в речи, но их взгляды, их движения. Не понять их намерения было слож-

но. Они ждут нас, каждый раз, когда мы собираемся подступить к горному хребту. Они не пускают нас на территорию Менуэла.

– А сразиться с ними вы не можете из-за льда? – усмехнулся один из советников, но Манфред сделал ему знак молчать.

– Где тот воин, который помог вам одержать победу в первый раз? – спросил он. – Куда он исчез? Почему он не с вами теперь, хотя в первой битве был на вашей стороне? Говорят, он никогда не оставляет тех на стороне которых сражается. Он приносит победы.

Лерой не знал, что ответить и нервно изучал взглядом пол. Король был близок к истине. В первый раз все действительно было так. Но потом их начали преследовать неудачи. Именно после того, как исчез несравненный воин.

– Никто не знает, где он, – наконец пролепетал юноша, уже ощущая, что сейчас последует новая вспышка королевского гнева. – Он исчез сразу после того, как помог нам одержать верх. Он неуловим. Он появляется и исчезает, когда захочет. И найти его снова невозможно.

– Нет невозможных вещей, – прорычал Манфред и тут же его очередной крик прошелся сокрушительным эхом по залу. Казалась от этого возгласа задрожали стены дворца. – Дуглас!

Кричать так не было необходимости. Юный маг, будто ворон одетый в черное, сразу же выступил из-за спин собрав-

шихся.

– Ваше величество, – он хотел склониться в учтивом поклоне, но вдруг сообразил, что в этом нет нужды. Манфред был практически не в себе. Он поманил к себе своего необычного любимца.

– Придумай что-нибудь.

Дуглас вздрогнул, еще никогда король не обращался к нему с такими просьбами при свидетелях. Ведь все неуловимо поняли бы, что речь идет именно о запретных приемах, точнее о колдовстве. Но сейчас никакие правила придворного этикета уже не имели значения. Дуглас только расправил черное кружевное жало, внезапно, как удавкой сдавившее его горло, и учтиво кивнул. Хотя это было равносильно тому, чтобы подставить шею под топор. Он ничего не мог сделать.

– Сир, я... – он не знал, как признаться сразу и потому замялся. Кое-что все же требовалось объяснить, чтобы потом не возникло излишка недоразумений. – Иногда даже я бессилен.

– Ты? – в приступе гнева Манфред сверкнул глазами на него. – Ты еще смеешь уклоняться от своих обязанностей.

Обязанностей? Ну, вот, теперь все старательно делали, что не замечают его. Кто не знал или не догадывался, что это за обязанности. Дуглас почувствовал себя, как в кругу врагов. Подумать только, кругом одно воронье, хотя единственный кто одеждой напоминает здесь черного ворона так это

он. Кажется его соперники в темных робах звездочетов и астрологов скрывали ядовитые усмешки. Дуглас поискал глазами Конрада – единственного на поддержку кого он мог бы рассчитывать, но того в зале как назло не оказалось. Жаль, из-за возможности вернуть себе Рианон он бы пошел на любую глупость. Даже защитил бы изгоя и мага. А ввязаться в очередной спор с отцом для него и вовсе ничего не стоило. Тогда у Дугласа появилась бы возможность ретироваться. А сейчас он чувствовал себя затравленным. Никто не смотрел в его сторону, но преувеличенное внимание всех сконцентрировалось именно на нем. И это заставляло его чувствовать себя не на своем месте.

Вот бы спрятаться снова в своей башне, но нет же, король ждет от него ответа.

– Есть вещи, цена на которые слишком ужасна... – проговорил Дуглас только для того, чтобы что-то сказать, хотя в общем он мало отступил от истины.

До нельзя возбужденного Манфреда это не напугало.

– Призови ко мне этого воина. Пусть снова сражается на моей стороне и ведет за собой моих воинов.

– Но сир, – осторожно напомнил Гермийон, главный советник, стоявший почти за спиной своего сюзерена. – Все ведь знают, что этого сделать нельзя.

– Мне плевать, что нельзя, – взревел Манфред. – Я – король, вы должны меня слушаться.

Правда такие речи больше взывали к обратному и все же

Дуглас склонился в низком поклоне, чтобы лишний раз засвидетельствовать свое почтение и послушание.

– Он неуловим, государь, – прошептал маг. – К тому же знаете ли... у меня есть основания полагать, что он тоже владыка. И его владения несколько более обширны, чем Лоретт.

– Зачем же он тогда сражается? – король все еще неистовствовал.

– Смею напомнить, что он никогда не требует вознаграждения за свои труды, – пробормотал Дуглас.

– Но он есть, – Манфред сжал кулаки. Ему самому уже это казалось достаточным аргументом. – Он существует, а значит его можно призвать...

– В ваши армии, сир, я запомнил, – Дуглас снова склонился в учтивом поклоне. Так еще чуть-чуть и он коснется лбом пола. Ему это нравилось все меньше и меньше.

– Пожалуй, он стал бы лучшим полководцем чем этот болван Морен, – задумчиво проговорил король. Если бы можно было изменить назначения, он бы непременно изменил его в пользу первого. Безымянный воин стал бы его эмблемой, его личным символом непобедимости.

– Найди его, пусть даже в самом аду, – прокричал король, знаком отпуская Дугласа. – Ступай, мне все равно, где и как ты его обнаружишь и сколько будет его участие. Даже если тебе придется спуститься в самое пекло ты приведешь мне оттуда того, кого я хочу и уговоришь его возглавить мои войска.

Дуглас все понял, он быстро поклонился и поспешил покинуть зал как можно быстрее. Равнодушные взгляды задерживающиеся на нем будто прожигали ему спину. Это конец, подумал он, все эти стаи знатного и амбициозного воронья только и ждут случая растерзать ничтожного чародея-самоучку. Теперь я мишень. Я слишком долго был любимцем короля пришедшим неизвестно откуда, а теперь я стану желанной жертвой. Из мрачных раздумий его вывел клекот птиц рассеявшихся под сводом арочного окна. Они о чем-то говорили. Дуглас прислушался. Он давно уже научился понимать язык птиц, а эти вели беседу как будто специально для него, неспешно и смакуя каждое слово. Милые пичужки. И новичок в колдовстве их бы сразу понял. Они говорили о девушке с золотыми волосами и о расшитом пурпурном шатре. Если бы там сейчас не находилась эта девушка они не смогли бы подлететь так близко и рассмотреть хорошенько прекрасного господина.

– Что? – так же по птичьему переспросил их Дуглас. Люди в замке подумали бы, что он издевается над ними, копируя птичий клекот, но жаворонке на подоконники мигом встрепонулись, угадав вмешательство кого-то чужеродного. Его выговор конечно был безупречен, но угловатая высокая фигура их пожалуй смутила. Всего миг и жаворонки шумно слетели вниз, оставив Дугласа ни с чем. Минуту он простоял у окна, коря себя за проявленное малодушие. Конечно, он мог поговорить с пернатыми созданиями, но что если его бы

заметили слуг в замке. Столь интересное занятие юного господина вызвало бы массу пересудов. Он пожил при дворе достаточно, чтобы убедиться, что и челядь и господа здесь большие сплетники. Да и он тоже хорош. Нашел к кому обращаться с вопросами. Глупые птицы. И все – таки он узнал от них больше, чем мог надеяться.

Рианон проснулась с ощущением смутной паники. Чьи-то когти скребли по ковру, но не когти тех маленьких тварей, к которым она уже привыкла. Эти скорее напоминали ножи. Рианон присела в постели и огляделась. В темноте почти ничего не было видно, но слышалось пыхтение. Кто-то карабкался вперед по ворсу с таким трудом, будто лез по стене или хуже того шел прямо по раскаленным кирпичам. Сопение мешалось со стонами, как от боли, а еще слышались приглушенные причитания.

– Все он! Все из-за него!

Рианон вздрогнула, когда черные когти коснулись мягкой шкуры на ложе. Нечто черное, шершавое, похожее на большой сгусток тьмы уже было здесь. Злые желтые глаза сверкнули на нее из абсолютной темноты. В лицо дохнуло запахом гари и жженой плоти. Когтистая рука потянулась теперь уже к ее горлу. Рианон успела заметить, что кожа на ней спалена до черноты, а остатки плоти уже успели покрыться слизью. Плоть? Разве у ангелов есть плоть? У падших возможно есть. Рианон припомнила рассказ Мадеэля и постаралась отодви-

нуться как можно дальше от обожженного нечто, но позади была только стена шатра и золотые опоры.

– Ты хоть знаешь, какие страдания причинила всем нам, ангелочек?

Когти уже надавили ей на горло, когда темноту в шатре вдруг прорезал свет. Не было заметно, как приоткрылся алый полог, закрывающий вход в шатер, но свеча перед входом вспыхнула и погасла, значит хозяин уже был здесь. Рианон тщетно искала его в темноте. Мысленно она просила помощи, и он наверняка услышал. Сильная обрамленная золотыми браслетами рука в миг стащила страшного гостя с ее постели. Звуков борьбы не было. Нечто сопротивлялось всего миг, когда его уже ударили об пол. Потом наступила тишина.

Рианон пришлось зажмуриться, когда свечи в канделябре перед ней наконец вспыхнули. Теперь огонь уже не гас и можно было рассмотреть, как нечто огромное, склизкое, напоминающее отвратительную лужу черного гнилья бьется на полу в жуткой агонии.

– Оно не выносит свет. Ведь правда? – Мадээль жестоко усмехнулся, следя за его мучениями. – Даже крошечный огонек на кончике лучины способен причинить ему невероятные муки. А знаешь почему?

– Не хочу знать? – Рианон отползла к самой стене и вцепилась в край медвежьей шкуры. Ее тепло чуть утешало.

– Хочешь, поднеси к нему зажженную свечу и увидишь,

как умножится его боль. Это будет интересно.

Он предложил это вполне серьезно. То, что билось и извивалось у него в ногах было живым. Она видела, как сверкают на фоне черного бесформенного сгустка испуганные желтые глаза и какой в них застыл ужас. И какая злоба.

Мадеэль наблюдал за мучениями черной твари со странным удовлетворением. Так мальчишки мучают ради забавы попавшуюся им лягушку, жабу или моллюска. Рианон видела в детстве, как дети слуг поднимают выброшенные штормом устрицы только, чтобы издеваться над устрицами, подносить к ним огонь, а потом смеяться. Отвратительно. Любое насилие всегда ведет к большему. Но здесь было нечто другое. Она ощущала мстительность. Мадеэль не просто насмехался, он был чем-то удовлетворен.

– Прекрати! – она не могла больше видеть нечто настолько отвратительное, что казалось оно вот-вот растечется ядовитым потоком по ковру, а оно ведь еще и мучилось. Ей стало тошно.

– Как пожелаешь, принцесса, – Мадеэль больше ничего не сказал, только посмотрел на нее долгим напряженным взглядом. И действительно с какой стати он должен был исполнять ее приказы или просьбы. Это он здесь победитель, а не она. И все-таки через миг на ковре не осталось даже следа от бившегося в агонии монстра.

Как странно. Ни пепла, ни слизи, ни царапин от когтей. Рианон была уверена, что должно остаться хоть что-то.

Мадеель уже сидел рядом на постели и как будто ничего не произошло. Его взгляд был спокоен. Красивые тонкие пальцы ощупывали ее кожу, проверяя не осталось ли ран. Она уже привыкла к золотым замысловатым узорам подобно татуировкам приникшим к его коже на запястьях, к червленым золотым браслетом обвивавшим руки до локтей и даже предплечья. Он будто был закован в изысканно выточенные из солнечного луча витиеватые золотые пластины – изысканные цепи или напоминание о том, что он не до конца свободен. А может всего лишь намек на то, что он – часть солнца и золотые узоры поверх мерцающего тела всего лишь напоминание о том, что не смотря на видимость человечности он способен обжечь про соприкосновении еще сильнее солнечного луча. И все-таки прикосновение его рук успокаивало.

Рианон с трудом отвернулась от его лица, чтобы еще раз посмотреть на то место на ковре, где еще недавно извивался жуткий гость. Теперь там было пусто.

– Он был одним из командующим моими когортами, – задумчиво проговорил Мадеель. – Да, нет, даже больше, моей правой рукой. Он так и не понял, почему мы не победили и до сих пор ищет причины этого. А еще он зол на меня.

Он ничего не должен был объяснять, но как всегда делал это. Рианон вспомнила свое первое соприкосновение с волшебным миром, все эти существа, в которых раньше и верилось-то с трудом и отвратительные карлики, и гоблины, и прекрасные фейри, каждая из которых однако скрыва-

ла какое-либо крошечное уродство хором твердили ей одно и то же.

– Они все злятся на тебя за то, что ты остался красив, а они нет, – Рианон осторожно коснулась растрепанных пшеничных кудрей, проверяя не обожгут ли они и ее, потом притянула к себе его голову, он не сопротивлялся, кажется, даже напротив был рад, а ей нравилось изучать то, что для всего волшебного мира было раритетом – его прекрасное лицо, его голова, плечи, затейливые пластины браслетов на запястьях, они боялись его, потому что их он обжигал, а ей он позволил быть к нему так близко.

– Я был красивее когда-то, – через силу признался он.

– В это сложно поверить.

– Когда битва еще только началась они слушались меня, потому что я был частью солнца, оно жжет глаза и невозможно послушаться его, когда стоишь рядом, но потом... теперь они меня ненавидят.

– Ну и что? – Рианон постаралась забыть о том, как руки фей ласкали ее там в запретном дворце, как нежно обвивали ее талию их крылья. Они были не так хороши, как тот, кто обрек их на существование и проказы в мире смертных, а о тех, кто стал ужасен и говорить нечего. Очутившись здесь им осталось лишь развлекаться тем, чтобы строить козни против людей. Зато они обрели какую-то свободу. Пусть живут, как хотят. Зачем сожалеть о них или стараться снова им понравиться.

– Я одна тебя люблю. Разве этого мало?

Он посмотрел на нее так, будто увидел впервые, недоверчиво и в то же время открыто. Рианон поняла, таких слов ему еще не говорил никто и он ни от кого не хотел их услышать. Он уже привык к тому, что должен быть один, потому что равных ему нет и нет таких, которые смогли бы не возненавидеть его, узнав о том, кто он есть. Возможно, бог обрекает на одиночество всех, кто был ему слишком близок, ведь раз сам он не может получить желаемого, то и никто другой не должен. Но сейчас вышло иначе, чем он распорядился.

– Ты все, что у меня есть.

Мадеель притянул ее к себе, в объятие, подобное водной прохладе. Точно тоже ощущаешь, если ныряешь в чистый пруд, где растут и благоухают лилии. И там можно утонуть, но пока держишься на воде это так приятно. Иногда его тело почти не источало тепла, а иногда было похоже на раскаленный огненный шар. Все зависело от малейшей перемены его чувств. Сейчас он был спокоен и кажется даже счастлив.

– Я обещаю, что больше сюда не войдет ни один незванный гость. Тебя никто не потревожит, если ты сама не захочешь. Ты помнишь, как вызывать моих слуг?

Она помнила, что нужно хлопнуть в ладоши, чтобы еда появилась на столе сама собой и вещи, нужные ей, материализовались из воздуха. Помнила, как гасить свечи и звать в круг света черных крылатых созданий. Определенными жестами или движениями можно было пригласить к себе лю-

бого, чьим хозяином являлся он, иногда она делала это случайно, но теперь он был не против того, чтобы его слуги служили и ей. Все они хоть и пугали вначале, но узнав, что она здесь по желанию их владыки легко подчинялись. Она только хотела спросить, как вызвать его самого.

А вдруг этого сделать нельзя, ведь не может же он в пылу сражения бросить все, исчезнуть оттуда и примчаться к ней. Хотя она не сомневалась, что именно так он и сделает. Просто бросит битву на произвол судьбы и окажется здесь.

Объятие стало крепче. Рианон помнила о губительных объятиях лесных родников, когда нимфы, наяды и русалки призывают к себе заблудившихся смертных, которые им приглянулись. Они влюбчивы и легко заманят в чашу того, кого хотят приласкать. Ее тоже вначале заманили, сбили с пути и все для того, чтобы предложить ей одно прекрасное неземное объятие. Пусть это все и ведет к тому же фатальному исходу, что и в рассказах фрейлин, но сейчас ей было так приятно. Прикоснуться к солнцу и не обжечься. Она всегда мечтала об этом.

Что заставило ее прошептать так, чтобы только он услышал своим нечеловеческим слухом.

– Мадээль, я люблю тебя.

Он не рассмеялся, хотя это было смешно. Кто может любить такое проклятое и покинутое существо, как он. Его губы чуть приоткрылись, но он ничего не ответил. Все, что он хотел сказать, она почувствовала и так, всю его любовь

нежданную и противоестественную. Он обнимал ее рукой и крыльями, он был прекраснее всего и всех на земле, его тело мирно сияло золотисто-белым призрачным свечением, а внутри все было напряжено от мятежных противоречивых чувств. Мира в нем не было, он предпочел войну, но сейчас...

– Я буду сражаться за тебя с кем угодно и с чем угодно, – пообещал он. – Я умею сражаться, будь уверена, Рианон. Умею побеждать.

– Как тогда на небесах? – лучше бы она этого не говорила, ему тут же стало больно и эта боль передалась ей. Он сжал рукоять тесака так, что побелели пальцы, такие длинные, что оборачивались вокруг эфеса почти вдвое.

– То было давно, но было, – веско напомнил он сам себе. – Ничего нельзя изменить.

– Ты бы мог поддержать все в равновесии.

– Я больше не хочу, – напряженный, как струна, он вдруг расслабился, он принял решения и его кожа засияла еще ярче.

– А чего ты хочешь?

– Хочу тебя, принцесса, если необходимо заключить мир, то обе стороны должны что-то получить с этого, прощение мне больше не нужно, я попрошу тебя.

– Зачем? – серьезно спросила она. И действительно зачем, ведь человеческих желаний в нем нет. Почему она вдруг ему так нужна.

– Я не знаю, – честно признался он. И это прозвучало, как божественное откровение, что-то вроде того, что ангел не может постичь природу самого себя.

Мадеэль задумчиво нахмурился, будто должен был еще что-то сказать, но не знал, как выразить все это словами.

– Меня никто никогда не любил, – наконец признался он. – А я считался любимцем бога, но не было ни ласки, ни тепла, только почет и отсутствие чего-то, что было мне необходимо. Я не знал чего именно, но мне недоставало этого так, что все стало мучением.

Он провел пальцами ниже по ее плечу, чтобы случайно не забыться и не сжать хрупкую шею.

– Лучше быть незамеченным богом, чем его любимцем, потому что своих возлюбленных он обрекает на страдания.

Она вспомнила все, что с ней случилось и едва кивнула, он прав, страданий было через край. И всегда оставался один вопрос почему. Почему она всегда терпит там, где другие выигрывают? Если все неприятности вылившиеся на нее это проявление избранности и небесной любви, то она предпочла бы обойтись и без того и без другого. Но только не без того, что происходило сейчас. Как раз этого то ей не полагалось, но это можно было принять с радостью. Грех – прекрасная вещь и такая возвышенная. Только вот язык не поворачивался назвать это грехом. Так это называют только лицемеры. Рианон крепче обхватила рукой его талию, теснее прижалась к плечу. Крыло за ним слегка подрагивало, но при-

слоняться к нему спиной было так приятно. Оно оперенное и с виду такое мощное, а на ощупь мягче чем шкуры, устилавшие пол шатра.

– Что ты имеешь в виду? – все же спросила она. Ей удалось узнать истину про него, но только не про себя. Она никогда не могла похвастать тем, что имеет право считать себя любимицей всевышнего. Напротив, бог должно быть ее очень сильно ненавидел, раз отнял у нее все, что она ценила. Конечно, был еще сон о небесах... о том, что ее там ждут. Рианон вспомнила длинную лестницу, высотой до бесконечности, но сейчас ей не хотелось размышлять об этом.

– Ты был любимцем бога, я нет, а все те, кто пошел вместе с тобой, кого он также любил...

– Пойдем, – Мадеэль резко встал и протянул ей руку. – Я покажу тебе, что с ними стало.

Перед ними лежала мрачная долина, такая черная, что все окружающее ее тонуло в темноте. Вначале невозможно было рассмотреть даже копошащихся внизу омерзительных тел. Они переплетались и шевелились в какой-то странной какофонии звуков и шелестов. За долиной высились горы, они окружали это место будто кольцом. А каменные глыбы неуклюже сваленные где-то вдалеке поражали своей грандиозностью. Ни люди, ни природа не могли создать нечто подобное. И все это прямо под звездными небесами, которые когда-то были домом тех, кто теперь кишел в долине, как в котловине

оставшейся после падения.

Рианон осмотрелась и вздрогнула. Ее глаза начинали неестественно хорошо видеть в темноте. Должно быть сверх острое восприятие окружающего и зоркость были подарком ее спутника. Он мог наделять смертных необычными качествами. К тому же он находился к ней настолько близко, что казалось сама его сила отчасти начала передаваться и ей. Но сейчас ее больше занимало то, что происходит внизу. Там начались резкие движения, раздался клекот, а потом... Рианон содрогнулась от адского крика, огласившего долину. Казалось, от него задрожали даже горные массивы вдали. И этот крик был не единственным. Взошла луна, роняя скудный свет на мрачное пространство и вскоре его огласили уже сотни, тысячи таких криков. Можно было подумать, что каждый ярд земли под ними живет, нестерпимо мучается и исходит криком.

– Смотри, так могут кричать только те, которые все имели и все потеряли, и знают, что возврата нет, – прошептал Мадезль, крепко прижимая ее к себе.

Его лицо было ужасающе спокойным. Ни дрожал ни один мускул, пустые глаза смотрели без выражения. А у нее внутри все переворачивалось от этих воплей.

– Мне должно быть жалко тебя? Или их?

– О, нет, – он выразительно повел бровями, – я ни от кого не жду жалости, моя дорогая, а они заслужили то, что получают, потому что пошли за мной.

– Ты действительно дьявол.

– Да, но ты принадлежишь мне, а не богу, который так мучает их.

Рианон невольно задумалась о том, что будет если он вдруг разожмет объятия и позволит ей упасть вниз в кишащую демонами бездну. Станет ли и она тогда частью его великой армии или же пищей для тех, кто в нее входил?

Но Мадезль не спешил ее отпускать. Напротив, не доверяя никакой магии, он не разжимал рук. Сам повиснув в воздухе, он обнимал ее за талию, так, что Рианон спиной прижавшаяся к его груди, могла отлично видеть, что происходит внизу. Он дал ей насладиться зрелищем, перед тем, как развернуться и полететь прочь. Это случилось как раз тогда, когда по глыбам прошлась молния. Рианон понимала, что видела только часть всего. Она полагала, что какие-то невероятно сильные когтистые существа продолжают стаскивать эти валуны и наваливать друг на друга.

– Они строят для тебя храм? – догадалась она. – Храм для поверженного божества...

– Для их божества, – твердо напомнил он. – Если хочешь, то да, называй это храмом. Я сам еще не знаю, что это будет, но нужно же им чем-то заняться, вот пусть и занимаются строительством. Подумай только, вдруг в этом месте смертные станут молиться нам, мне и тебе, и приносить кровавые жертвы. А потом мои слуги будут приносить в жертву и их самих.

– Ты невыносим.

– Мне было у кого учиться, – резонно заметил он, возможно, припомнив своего бывшего владыку. Рианон подумала, что в его словах есть смысл.

– Прекрати строительство, – все же попросила она.

– Почему?

– Чтобы угодить мне.

Кажется, такой ответ пришелся ему по вкусу. Она не могла развернуться так, чтобы посмотреть ему в лицо, пока он несея с ней по небу, но ей казалось, что в этот миг его лицо исказила довольная усмешка.

– Ты совсем как я. И тебе тоже не по душе их вопли. Хотя иногда они меня успокаивают. Всегда приятно знать, что кто-то страдает хоть немного, а не благоденствует, когда ты носишь в себе боль всего мира. Я никак не могу привыкнуть к страданиям других, Рианон, наблюдая за ними каждый раз, я не могу себе представить, почему эти твари хнычут, когда настоящая боль им неизвестна.

– Полагаю, она известна только тебе.

– О, да, – он уже принес ее в шатер и посадил на ложе. Складки нового дымчато-золотого наряда, который он ей подарил, приятно зашуршали. Кажется это платье из неизвестной ей материи могло менять цвет само по себе. Еще недавно оно было синим, затем изумрудным и вот теперь снова золотым. Вся гамма цветов заключалась в этой ткани точно так же, как вся палитра боли отражалась в глазах падших ан-

гелов.

Мадеэль понял без слов, о чем она думает и присел рядом с ней.

– Я не позволю тебе страдать, – от его прикосновения готовы были расцвести лилии, но она помнила кровь, огонь и адские крики.

– Тебе не придется пройти через то же, что и им, поверь мне, я не допущу такого.

– Почему?

Ответ поразил ее.

– Я не знаю.

В первый миг она даже не поверила. Шутит ли он или снова хочет одурманить ее своей небесной философией, но голос звучал вполне серьезно. Так вдумчиво и ошеломленно говорит только тот, кто действительно не может себя постичь. Она посмотрела на него и поняла, он правда не знал. Как же сложно он устроен, ошибка природы и в то же время ее венец, он не мог постичь своих собственных чувств.

– Тогда на один вопрос о моем королевстве ты можешь мне ответить?

– Да, – он с готовностью посмотрел на нее.

Рианон минуту медлила. Ей было тяжело об этом спрашивать и страшно услышать ответ.

– Я уже спрашивала тебя, но теперь хочу, чтобы ты ответил честно. Почему Лоретт? Зачем тебе было сражаться на их стороне, если справедливости с ними нет?

– Нет, – согласился он. – Но на стороне Менуэла еще больше зла...

На миг он опустил голову, не зная, что сказать. На красивом лице отразилось минутное колебание, а потом он снова заговорил.

– Понимаешь, есть еще избранные... Те, кто чем-то одарены обычно, и не падшие, и не люди, а что-то среднее от союза тех и других. Эти люди ошибка, но они же необычайно ценны. Бог желает, чтобы они познавали мир в страдании, только тогда они могут творить. Мои же демоны шептают людям, чтобы те причиняли зло этим избранныкам, но в свою очередь каждого кто обидел их ждет невыносимое наказание. В общем это бесконечный круговорот, от которого сам я устал. В Менуэле же живут кузнецы, одаренные почти настолько же насколько мои цверги. Они почти приблизились к божественности, уже за одно этого их должно не стать или по крайней мере тех из них, кто особо талантлив. Но это меня уже не трогает, на моих глазах рушились многие цивилизации, исчезали страны и города, грели деревни. Я сам часто сопровождал этому вместе со своими падшими армиями. Мне все равно на чьей стороне сражаться, потому что сам я никого не поддерживаю.

– Кроме справедливости, – напомнила она.

– Это понятие бога, а не мое, и оно как видишь довольно обтекаемо, – он потянулся и крепко сжал эфес меча прислоненного к ложу. – Справедливость в крови. Так устроен мир.

И мне от него тошно.

Казалось, что сейчас с его бледных уст сорвется огненный вздох и испепелит все вокруг. Рианон невольно сжалась. Но уже через миг он посмотрел на нее, и взгляд его прояснился.

– Так было, пока я не встретил тебя, – словно хотел сказать он, – теперь у меня есть кого защищать и на чьей стороне сражаться. Всегда на твоей.

– А что же Менуэл? – спросила она после затянувшегося молчания.

Он пренебрежительно повел плечами.

– Жалкие мастеровые и пьянчуги. Они не только посмеялись над одним из избранных, они еще чуть его не убили. Им в тот день было весело, такая забава. Арно едва унес ноги от их собак, едва остался жив... но все же остался. Думаю, он уже успел забыть о том инциденте, но расплата пришла, в свой срок, в моем лице... Видишь ли, это все бесконечный круговорот, а от обманчивого ощущения покоя потом становится только тяжело. Виновники уже начинают думать, что им все прощено, а потом прихожу я... и мир вокруг них вспыхивает. Именно поэтому я остался сам собой, потому что в отличие от других мне не нужны кошмарные лик и кровавадая драконья глотка, чтобы превратить жизнь грешников ад. А грешником можно считать каждого на этой земле и каждого я рано или поздно настигну. Сначала Менуэл, затем Лоретт. Поверь, после обманчивой победы, поражение

станет для них еще более тяжким.

– То есть кара для одних, потом становится карой для других и так далее, пока не исчезнет мир. Одно наказание прирастает к другому и все сливается в один беспощадный ком, а ты поддерживаешь все это.

– Я не поддерживал, поэтому и был низвергнут.

– Да, и теперь должен собственными руками вершить все то, против чего выступал.

– И, поверь мне, это худшее наказание.

– Не верю тебе.

– Рианон, – он положил свои руки ей на плечи, осторожно, чтобы не раздавить хрупкие человеческие косточки. Странно, он мог убить ее, а она не боялась.

– Бог заставляет тебя делать все то, за чем наблюдать даже со стороны для тебя было невыносимо. Он уничтожает тебя твоими же руками. Какой жестокий способ подавить сильную волю.

– У меня есть выбор?

– Был бы, если бы после первого поражения все не стало тебе безразлично. Все желания в тебе уснули, как только ты проиграл.

– Ты их разбудила.

– Но ты все еще слушаешься его приказов.

– Правда? – он привлек ее к себе, словно давая понять, что главное распоряжение он уже нарушил, вступив в запретную близость с человеком. И не просто с человеком. Почему-то

он всегда ставил ее выше всех людей. Он даже не выражал это словами, только тихими жестами почтения, восхищения, даже какого-то преклонения, а не любви. Она научилась угадывать его мысли. Он думал о том, что забрал силой что-то, что никогда не должно было ему принадлежать.

Одна мысль его возбудила. Пора было отбросить не только меч, щит и плащ, но и ненужную уже одежду. Он быстро освободился от лат, кожаные шнурки сдерживавшие их и тунику распутывались сами собой. Руками он помогал Рианон снять платье. Ему нужны были ее обжигающие поцелуи, как когда-то молитва. Ему нужна была эта красивая игрушка на его ложе с телом человека и сознание близким к ангельскому. Если бог думал, что изгнав его из рая, лишил небесного удовольствия, то как же он заблуждался.

– Вот, где рай, – шепнул Мадеель, прижимаясь к ее губам и проводя пальцами по обнажившимся изгибам ее тела. – Рай, в который я никогда не должен был вернуться, но он здесь...

Все мрачных мыслей действительно не стало. Давящая боль куда-то ушла, растворилась в блаженстве земного соития. Эта боль сжимала его в тисках с тех пор, как он пал, теперь ее не стало. Возможно, когда он проснется в объятиях Рианон, она возобновиться, но во всяком случае уже не так сильно, как тогда, когда его ложе было пустым. В те времена он не мог сомкнуть глаз, сон не шел к нему, забвение не наступало, опаленный разум метался как в лихорадке.

Возможно, такого было наказание, ему никто не объяснил, но его сознание металось, будто заточенное в клетку. Мрачный, пустой, лишенный какой-либо красоты мир приобретал какой-то цвет только, когда проливалась кровь. Он летал над миром и упивался страданиями других, лишь потому что сам мучился сильнее всех. То были века безумия. Разум заточенный в оковы, как тело, и освобожден лишь вместе с телом. Мадеель водил руками по совершенному женскому телу, слишком худое для взрослой женщины, оно все же было девичьим и нежным. Она хрупкая, как небесный свет, подумал он, и может стать такой же обжигающей, если возникнет необходимость. Кому как ни ему было знать, что мирное сияние зари может в любой миг взорваться испепеляющей вспышкой. Когда его нужно было наказать, именно так и произошло. Но теперь наказание превратилось в блаженство. Долгие сладкие поцелуи, ночи без сна не потому, что он сходит с ума от давящей пустоты и невозможности спать, а потому, что занимается любовью, а еще желанное тело рядом, которое будто является частью тебя – за все это стоило отдать небеса. Оторвавшись от ее губ он быстро усмехнулся, но уже в следующий миг снова припал к ним долгим поцелуем. Пальцы Рианон запутавшиеся в его волосах приятно скользили по затылку. Другой рукой она ласкала его плечи, иногда задевала крылья. Его ноги касались его бедер, колени спины. Вот теперь он действительно чувствовал себя богом.

Рианон откинулась на ложе, предоставляя ему возмож-

ность сделать все самому, так как он захочет. Ей это очень нравилось. Так хорошо как сейчас она не чувствовала себя еще никогда. Только почему-то ей казалось, что кроме ритмичного слияния их тел в шатре происходят еще другие вещи. До ее слуха доносились копошения и тихие голоса, какие-то шорохи, шепоты, шуршащие звуки. А еще всего на миг ей показалось, что она видит перед собой нечто жуткое. Вспаханные блеском мечей небеса, подобные полю брани, склоки и крики, тела, подобные тому, которое сейчас с ней в постели, но там они жутко изуродованы. Она прикрыла веки, а когда открыла их, то подумала, что теперь уже он сам неосознанно испускает какой-то колдовство, чтобы в шатре стало светлее. Она видела перед собой его красивое лицо, покрытое легкой испариной, но необычайно светящиеся. Сверкающие волосы спустились вниз, накрыв их обоих золотой завесой. Вот бы никогда не отрывать своих губ от его.

Она протянула руку на ложе и нащупала что-то нежное, скользкое, чуть покрытое влагой. Лилии, и водяные, и садовые, еще вчера их здесь не было, а теперь цветы были разбросаны по ложу и полу. От них исходил сладкий запах, но не такой как от его кожи.

Она обхватила его обнаженные плечи, вновь поражаясь тому, как золотые гравированные браслеты на них практически стали частью плоти. Холодное тело все равно вызывало огненную страсть. Она ощутила вспышку огня внутри себя,

возможно человека она бы обожгла своим поцелуем, но только не его, красивые губы оставались мягкими. А вот лилии вокруг них начали чернеть и сворачиваться от вспыхнувшего на лепестках огня. Цветы чернели, а сплетенные среди них тела оставались белыми. Крыло Мадеэля было бы необожженным, даже если бы он задел огонь. Но сейчас от легкого подрагивания этих крыл огоньки в шатре чуть гасли. И все же цветы неумолимо сохли, вяли и источали запах гари. Ей было все равно. Рианон запустила руку в его золотые волосы, ощущая, как локоны тут же оплели пальцы точно сеткой. Ее ресницы касались его. Казалось, еще миг и открыв веки она увидит на месте его настоящих глаз вставленные в глазницы мертвые сапфиры, как у звериных шкур в шатре. Ну и пусть. Ее даже это не пугало. И больше не пугал огонь. Сейчас можно сгореть и самим. Потому что лучше этого мига уже ничего не будет.

– Ты будто из мрамора, – подумала она, снова ощутив его в себе.

– А ты из огня, – тут же раздалась встречная мысль. – Из золотого огня.

Позже она откинулась на мягкую белую кожу, постеленную с боку на ложе. Мадеэль осторожно гладил рукой ее шею и тонкие плечи. Она первая почувствовала, что в шатре кто-то есть, кроме них. Кто-то пытался передать ей свои мысли, но это был ее не любовник. Тот, кто только что скитался по мрачным городским и проселочным дорогам, теперь сто-

ял у входа в шатер. Рианон на миг увидела его глазами скудный свет на раскисшей проезжей дороге и странное существо, которое скитается там, вроде и не демон и не человек, а что-то среднее между ними. Он был не слишком то красив, но внутри него, очевидно, дремала сказочная красота. Рианон могла увидеть это даже сквозь чужие глаза того, кто передавал ей зрительные образы. Странно, почему же это существо, которое должно быть прекрасным, сейчас настолько убого, потерянно и несчастно. У него есть великий талант. Она не знала, что точно в его суме: кисть, перо или музыкальный инструмент, но была уверена, что это часть его дарования. Под скудной одеждой скрывался свет, но его застила боль. Это невероятно прекрасное, но невесть какой силой очерненное существо погибнет, если не найдет свой особый путь к спасению. Ей вдруг стало резко жаль его. Боль пронзила сердце как острый осколок. Это существо часть войск Мадезля. Рианон хотела рассмотреть что-то еще, но больше ничего не смогла. Теперь слышался только голос.

– Собор Грома! Его путь лежит в Собор Грома! Там, где все мы умираем в муках, чтобы...

Она приподняла голову над подушкой. Локонь скользнули за ней по спине, подобно золотым змейкам, задевая ласкавшую ее руку. Она ощутила, как напрягся Мадезль.

Он прошипел что-то быстро и резко. Слова оставили неприятный осадок. Над всем шатром теперь как будто сгустилась мгла. Рианон моргнула, чтобы разглядеть цветастую

фигуру материлизовавшуюся на пороге. Вначале это только облако, отдающее смутной пестротой, чем больше времени проходило, тем ярче оно становилось.

– Чтобы вернуть себе прежний вид, – такими ли были последние слова, которые она не расслышала. Рианон вопросительно посмотрела на Медеэля, но он сейчас испепелял взглядом вошедшего. Казалось, потемневшие от гнева синие глаза вот-вот вспыхнут, а с солнечных ресниц вместо влаги капнет огненный скипидар.

– Как ты посмел...

От его тихого, но угрожающего шепота, казалось, сами стены могли бы содрогнуться.

У Орфея влезшего в шатер был довольно обескураженный вид.

– Я... Что? Чего? – он явно не собирался уходить. Не так сразу.

– Вон отсюда, – Мадеэль угрожающе приподнялся и положил руку на эфес меча. – Но если ты хочешь стать горсткой пепла...

Теперь Орфей все же попятился к выходу. Реакция стала моментальной.

– Простите, ваше величество, – виновато пробормотал он, и через секунду его как ветром сдуло. Рианон все еще вопросительно смотрела на завешанный алым выход из шатра, он даже не колыхался и сам гость исчез, но обращение «ваше величество» так о многом ей напомнило. Однако заключить

она могла, что обращался он все же не к ней. Но больше всего ее потрясло то, как быстро он послушался. Она перевела удивленный взгляд на Мадеэля. Он сонно убирал со лба спутавшиеся локоны и выглядел совсем юным, но кажется только, что она убедилась, что духи считают его царем.

– А у меня так никогда не выходило, – она кивнула на то место, где еще недавно стоял Орфей, кажется там земля прогорала под его ногами, а он все равно хотел здесь оставаться. Рядом с ней или с ним? Наверное, все-таки с ней, рассудительно решила Рианон, потому что к близости с Мадеэлем духи не больно то стремились. Его боялись, да, кажется было за что, но в этом она их не понимала. С ним было так легко, не нужно было задумываться ни о каких проблемах, потому что он все решал моментально. Вот даже бездырь Орфей его послушался. А с ней разыгрывал из себя непослушного ребенка.

– С ними надо быть строже и жестче, – Мадеэль все еще испепелял глазами пустое место у выхода и кажется его взгляд мог прожечь пустое пространство.

Потом он смягчился и быстро притянул ее к себе, будто доказывая уже не духу, а образовавшейся вокруг них пустоте, что он никому не отдаст своей добычи. Инстинкт собственника. Он же завоеватель в конце концов, воин, победитель... Рианон усмехнулась. Было приятно ощущать его объятие, но мысли навеянные Орфеем все еще не давали ей успокоиться. Что это было за место? Что он имел в виду. Кто

тот странник, который ищет свою страшную участь в Соборе Грома, там ждет нечто жуткое, но не идти туда нельзя, потому что здесь на земле остаться еще страшнее. Таким образом ужасающий путь неотвратим, но за ним лежит освобождение и тьма. Рианон плотнее прижалась к Мадеэлю. Рядом с ним удавалось спастись от страха, потянувшегося к сознанию, будто клещами. Хорошо, что близость ангела смягчала все страхи и успокаивала.

Она полулежала на нем. Он запустил руку в ее золотые локоны и казался темени так, что от этого прикосновения отступали все плохие мысли. Как все просто, он мог бы спасти и безумца своим легким прикосновением, а мог наоборот свести с ума, но она больше его не боялась. С ним было так хорошо.

– А что это за место Собор Грома? – засыпая спросила она.

– То место, где сошлись небеса и ад, – он мог бы не отвечать, как делал это всегда, но почему-то ей он рассказывал обо всем. – Это краеугольный камень в архитектуре всей вселенной, и всех миров. Место, которое является вместилищем зла и в то же время оно благословенно, потому что все мы снова там перерождаемся. Любой из моих потерянных ангелов может стать прежним, если найдет путь туда и совершит ритуал. Их сознание, заточенное в человеческое тело, по-прежнему хранит в себе, все прежние знания. Если только у них хватает сил побороть насланное безумие и убежде-

ние в том, что они всего лишь люди, а дорога из рая это не их фантазия, тогда они снова возвращается в свой рай. Мрачный рай с затейливыми колоннадами и дремлющими статуями. Под огромным куполом расположен зал, а на его мраморном полу свершилось уже столько жертвоприношений, что трудно и подсчитать. Только редкие из них заканчивались смертью. Бывают люди, которым хочется заблуждаться и относить себя к моим войскам. Такие гибнут. То же самое было бы если б человек вообразил себя птицей и кинулся в полет. Их внутренности остаются на полу и те, кто успевают лакомиться телами. Другие же, осколки моей армии, остаются мертвы лишь пару секунд... это и не смерть, если честно, а жуткое подвешенное состояние между миром реальности и сонмом духов, обитающих в соборе. Оба мира чужие на какой-то момент.

– А потом? – она сильнее вцепилась в него рукой так, что чуть не оцарапала бок, но он даже не заметил. Если он скажет то, на что она надеется, то она даже подарит ему еще один поцелуй.

– Потом у них отрастают крылья, но если ты видела в какой агонии они бьются за миг до этого. Проходит всего пара минут, а они успевают там на мраморном полу пережить всю ту боль, которую я вытерпел за вечность. Все, что претерпел я сам, накатывает на каждого из них черной волной и доводит до безумия. Миг, который кажется бесконечным.

– И ты сидишь на высоком парапете, как статуя, равно-

душно наблюдая за тем, как другие принимают твою боль. Иногда ты бываешь даже удовлетворен, когда понимаешь, что не один ты страдал сильнее всех. Другие прошли через то же.

– Да, откуда ты знаешь?

– Наверное, вижу в твоих мыслях, – неуверенно призналась она, боясь того, что последует за этим.

– Можешь взглянуть и дальше, – милостиво разрешил он. – Тебе я могу все показать.

– Почему?

– Потому что это ты, мой близнец, часть меня, – она крепче сжал ее плечи.

– И это значит, что однажды мне придется страдать как тебе, там, в соборе... или где-то еще... – она сама испугалась своей догадки.

– Только не тебе, – быстро возразил он, – я не позволю. Ты не знаешь какво это.

– Я боюсь это узнать и все же.. если это единственный путь.

Ее губы в долгом поцелуе коснулись благоухающей лилиями кожи.

– Есть другие пути к бессмертию. Страдать вовсе не обязательно.

– И это говоришь ты?

– Я предпочитаю оставлять страдания другим, но не себе и не тебе.

– Это хорошо, ты говоришь обо мне, как о чем-то, что тебе близко.

– Но ведь так оно и есть.

– Да, я думаю, – она не была уверена. Всегда сложно поверить в то, что является слишком желанным. Стать частью того, кто прекрасней и могущественней всех, это было слишком хорошо. На секунду она вспомнила о боге, о страдании, о предназначении, которое вечно подставляло ее под удар. Избранные бога всегда страдают и виноват в этом Денница. Первый любимец бога его предал и теперь мучаются все, кого бы он не любил после своего первого избранника. Ей досталось больше всех, ведь она была выбрана на его место. И ей больше не хотелось об этом вспоминать. Никому не хочется быть игрушкой, которую умело направляют по тернистым лабиринтам боли, чтобы привести к какой-то намеченной цели. Почему все так сложно? Почему за вину одного должны страдать все? И почему этот один предпочел спасти ее, а не убить, как ему вначале хотелось? Рианон зарылась лицом в утешающее плечо, ощутила еще сильнее аромат лилий и какой-то особенный ни на что не похожий, но приятный запах его кожи. От этого тут же нахлынули воспоминания о золоте, полях ржи и долинах фей. Ее никто никогда не любил, кроме него. Ее любил только дьявол, тот, кто должен всех ненавидеть, а еще ее общества желали феи. Все сложилось так странно, но она ни о чем не жалела. Хорошо, когда хоть кто-то тебя любит и не важно кто он

есть, главное, что и ты в ответ тоже любишь его. И можно было не бояться, что однажды это закончиться предательством, войной, дележом власти или обидными словами. Мадеэль доказывал, что ему можно верить. Она только не могла верить себе. Желание вернуть или уничтожить Лорет стало таким сильным, что вспороть ради этого собственные кишки ничего бы не стоило. Ужасающий путь в Собор Грома ее уже так не пугал. Есть вещи, которые стоят жертв. Нужно только найти в себе достаточно храбрости, чтобы их принести. Мысль о том, что кто-то прошел этот путь до нее немного взбодрила.

Долина драконов

Рианон проснулась одна. Хоть постель и была смята, пустое пространство рядом неприятно поражало. Казалось, что все происшедшее могло быть только сном. И нет на самом деле никакого божества, которое по ночам ее обнимает. Есть только фантазии.

Она приложила руку к голове, сминая и без того растрепавшиеся пряди длинных волос. Сознание горело, будто тоже было обожжено. Казалось, что утрачивая Мадеэля, она утрачивает и разум. Такое ли должен ощущать человек, переспавший с падшим ангелом. Ангела больше рядом нет, и ты начинаешь сходить с ума без него.

Если она уйдет отсюда, то ее ждет абсолютно пустой мир. Только Рианон почему-то была уверена, что если снова станет королевой Лорета, то Мадеэль последует за ней. Он станет править вместе с ней, точнее будет стоять возле ее трона, подобно дракону, который ее охраняет. Для него земное царство лишь игрушка и он может отдать эту игрушку ей, а сам остаться силой, которая незримо всем управляет. Рианон такой ход событий устроил бы. У нее появился бы ее собственный телохранитель, ее личный дракон. Имея при себе его, она могла не опасаться за собственную власть. А узы, которые его сдерживают... есть ли все еще эти узы? Или его связь с небом постепенно слабеет?

Рианон задумалась. Ее собственная связь с существом павшим с неба похоже становилась все более прочной. Может ли она теперь жить без него? Возможно ли для нее покинуть этот шатер и не лишиться окончательно разума. Она решила попробовать. Встала с постели, нашла на полу наряд, который до этого не видела и кружевную сорочку. Роскошное платье с широкими рукавами и лифом расшитым жемчугом ей как раз подошло. Она надела его без труда, шнурки на спине сами соединились, будто были живыми. Она чувствовала, как они слегка щекоча ползут по спине и заплетаются в сложную вязь. Рианон осмотрела себя в зеркале. Фасон и отделка наряда ей очень нравились. Не хватало лишь головного убора. Черепаховый гребень так же отделанный жемчугом, который лежал на столе, очень ей подходил. Не успела она подумать о том, что надо взять его и воткнуть в волосы, как он уже очутился там. Пряди на затылке вокруг него сплелись, образуя подобие прически. Ну, вот, теперь у нее есть хотя бы пародия на корону. Рианон самодовольно глянула на зубья гребня, выступавшего из волос. Они так напоминали венец.

– Королева подводного царства, – в шутку назвала она себя, улыбнувшись отражению. – Вся в жемчуге и любишь холодные оттенки воды только потому, что они смирят огонь внутри тебя.

Тут она вдруг испугалась своих собственных слов. Мадель весь как будто был из огня, из золотого огня. Отрицая

огонь, она словно собиралась отказаться и от него. Ну уж нет, она не отказывается. Ни в коем случае. Ей просто нужно проверить, как она будет чувствовать себя без него.

Рианон надеялась, что ей каким-то образом удастся сморщить бдительность стражей и хоть немного пройти. Она осторожно выглянула из шатра и не заметила никого стоящего на часах. Странная черная птица все еще летала над шпилем шатра. Она издавала странные звуки, а ее темное оперение переливалось в закатных лучах. Рианон приоткрыла губы от изумления, когда рассмотрела, что у птицы женская голова. При чем довольно привлекательная. Длинные темно-русые волосы свешивались с нее неловко сочетаясь с мрачным оперением. Голубые глаза уставились на Рианон с неподдельным интересом. Кто ее знает, эту птицу, лицо у нее определенно женское, но если это тоже падший ангел, то речь о поле даже не заходит. Они могут являться людям как юношами, так и девушками, но всегда неизменно прекрасными. У Мадеэля тоже девичье лицо.

Рианон вдруг поняла, что нравится этой птице и легким флиртом может ее подкупить. Она приложила палец к губам, давая знак молчать. И птица присев на шпиль затихла. Она внимательно следила за уходящей от шатра Рианон.

Спящие или гомонящие внизу за долиной воинства лишь слегка беспокоили Рианон. Она заметила обходную тропу, которую никто не охранял. Довольно узкая дорожка оказалась скользкой и крутой, но Рианон не задумываясь пошла

по ней. Она спускалась вниз с гор, делая опасные повороты и сильно петляя. Чем дальше Рианон уходила, тем больше травы замечала на обочине. Это значит, что земля недалеко. Ей уже надоело находиться на высоте. Вид с гор был головокружительным. Его от нее тошнило. И вряд ли она решилась бы идти по этой тропке, если бы с той открывался вид вниз. Но повороты его скрывали и Рианон двигалась сама не зная куда. Ей хотелось отойти как можно дальше, чтобы проверить насколько хорошо она может себя чувствовать вдали от шатра.

Пару раз она оступилась, чуть не упала, но все равно продолжала спускаться вниз. Как-то раз ее шлейф зацепился за придорожный репейник. Ткань хрустнула, заставив Рианон на миг остановиться. Ну вот из-за ее любознательности прекрасное платье испорчено, хорошо еще в подоле не застряли колючки. Рианон не успела даже как следует пожалеть о причиненном уроне, а клочки ткани уже начали сами собой восстанавливаться. Нити тянулись друг к другу как живые, соединялись, сплетались. Здесь не был нужен никакой ткацкий станок, все делалось само собой. Через миг уже нельзя было сказать о том, что что-то повреждено.

Рианон обескуражено смотрела на платье.

– Волшебство? – птица с женской головой села на камень рядом с ней и усмехнулась. – Так ты это называешь?

– Да, именно так, – она побыстрее отвернулась от соблазнительно усмехающегося лица. Но птица не отставала.

– Так люди это называют.

Рианон все же обернулась, чтобы еще раз взглянуть на обольстительные черты. Птица летела прямо за ней, грациозно и неспешно, сохраняя лишь небольшую дистанцию.

– А как люди называют тебя? – поинтересовалась она.

На миг птица задумалась. Прелестные черты нахмурились так, что было больно смотреть. Она явно чего-то не могла вспомнить.

– Сирин... чаще всего, – наконец ответила она.

– Сирин, – повторила Рианон. – Мне нравится, как это звучит.

И нравишься ты, хотелось добавить ей хотя бы про себя, но наверное этого и не требовалось. Их знакомство уже состоялось. Дальнейших слов было и не нужно. Птица, наверняка, угадывала ее мысли так же легко, как и любое другое волшебное существо.

– Ты идешь к морю?

– Что? – Рианон снова обернулась и чуть не упала, задев ногой мелкие камни. Они тут же полетели вниз. На обочине встречались все более необычные растения, иногда они были похожи на одуванчики, мох или можжевельник, но гнездящиеся в них и словно приросшие к ним существа тут же сводили на нет любое сходство. Казалось, что цветы уже вырастают живыми и шевелящимися, как нечеловеческие тела. Они извивались под подошвами ее атласных туфелек и производили отталкивающее впечатление. Неужели это миниа-

турный ад, прямо под ее ногами.

– Это необычное место, – заметила птица. – Наше место. Обычно по этой тропе никого не пускают.

– А меня?

Ее пернатый друг произвольно повел бровями.

– Не уходи далеко, а то заблудишься, – последовало короткое предупреждение.

– А если я хочу заблудиться?

– Тогда ему придется искать тебя, и он разозлится на нас всех. Он ужасен, когда бывает в ярости. Лучше не доводи его до этого.

Не нужно было сомневаться, кого птица имеет в виду. Рианон сразу поняла, что ее просят как-то сдерживать его гнев чаще всего направленный на окружающие по поводу и без такового. Она решила чуть-чуть поддразнить провожатого.

– А если я хочу заблудиться вместе с тобой?

Птица резко встрепенулась. Щеки на красивом лице тут же вспыхнули, залившись ярким румянцем. Теперь это лицо больше походило на юношеское. Рианон понимающе усмехнулась. На любила смущать молодых людей и если на то пошло, то женщин тоже. При дворе она часто дразнила Хильдегард, некрасивую, но чересчур хваткую сестру Конрада, наверное, отчасти потому что догадывалась о ее тайных желаниях. Та тоже отмалчивалась в ответ и пунцовые пятна на ее щеках можно было истолковать как приступ гнева, но Рианон чувствовала другое. Насчет существа рядом с со-

бой она точно не могла судить чего в нем больше мужского или женского. И сама не понимала, почему это так ее волнует. В конце концов если не читать смазливой головы, то это всего лишь птица: крылья, когти, да оперение, и каким же образом это все ее привлекает. Может пообщавшись с Мадэ-эле́м она начала испытывать особую склонность к крылатым созданиям. В конце концов если бы у ангелов не было обольстительных тел, то и сами они были бы подобны птицам.

Рианон протянула руку, приглашая сирина опуститься ей на тыльную сторону ладони, как если бы он был ее прирученным охотничьим соколом. Птица оказалась неожиданно тяжелой для ее руки. Рианон пришлось почти сразу же отпустить ее. Острые когти тоже чуть было не оставили след у нее на коже и все-таки девушка прошептала:

– Ты мне очень нравишься.

– И ты мне, принцесса.

Рианон старалась не смотреть долго в тягучие, помутневшие от невысказанного желания глаза и начала спускаться к морю. Теперь она знала, что птица уже от нее не отвяжется. Хорошо еще если в порыве страсти она не вцепиться когтями ей в плечо. Эти коготки пугали Рианон даже сильнее, чем крепкий клюв настоящей птицы. Покрытые ороговевшей черной кожей, они сужались к краям и будто сочились ядом. Ей не хотелось ощутить на себе их остроту. Это был бы слишком резкий контраст по сравнению с миловидной головкой на пернатом туловище.

Издали уже раздавался шум прибоя. Птица не обманула ее. Там внизу лежало скалистое побережье. Здесь было холодно и красиво. Ощутив на плечах приятную прохладу Рианон уже ничего не боялась. Песок под ногами казался абсолютно бледным, а не золотистым и уж тем более не ярко-желтым. Волны, накатывавшие на него окрашивали берег пеной и лазурью. Кольцо скал за берегом также отливало прозрачно-голубым. Если вокруг царят одни холодные оттенки, то она будет чувствовать себя здесь уютно.

Рианон не сразу заметила один-единственный мрачный предмет на берегу. Это был не камень и не обломок корабля выброшенный морем. Что-то совершенно сухое и темное лежало прямо на песке. Рианон подошла ближе и наклонилась, чтобы рассмотреть. Подумать только, это была арфа и струны ее ритмично дергались. Жаль только звуки тонули в шуме прибоя.

Одна волна накатила особенно неожиданно и брызги от нее достигли шевелящихся струн. Рианон подобрала юбки и чуть попятилась. Она уже видела раньше эту арфу. Теперь она оглядывалась, ища ее хозяина.

Арно. Она не произнесла это имя вслух, только подумала о нем, а он уже стоял здесь, просто вышел из-за скалы, спрятал руки за спиной и чуть склонился в знак приветствия.

– Моя госпожа, – по его приятному лицу пробежала улыбка.

Подумать только, столько времени уже прошло, а ей ка-

залось, что только еще вчера он пел под ее окном. Теперь ему не нужно было притворяться, что он музицирует, арфа в песке издавала звуки сама собой, но Рианон все равно казалось, что ничего между ними не изменилось. Она по-прежнему принцесса, а он менестрель. Изменилась лишь атмосфера окружающая их. Она стала волшебной.

– Ты часто здесь бываешь?

– Вы имеете в виду рядом с его войсками, – Арно чуть приблизился, но все еще старался сохранять почтительную дистанцию.

Она кивнула.

– Да, – Арно был уже совсем рядом, такой знакомый и в то же время неуловимо ставший другим, одним из них, из нелюдей затерявшихся в человеческом мире. – Я прошу его о снисходительности...

– Правда? И какой же?

Он миг подумал перед тем как ответить. Он не знал, как сформировать свою мысль.

– Я чужой и там и здесь, – только и смог прошептать он, без выражения и без особой жалости к себе, это была только констатация факта и тонкий намек. Рианон тут же поняла его.

– И если бы у тебя был выбор, ты хотел бы стать своим не среди людей, а среди них, его проклятых... Почему?

– Потому что он с ними. И вы.

В этот раз он не задумывался перед тем, как ответить. Ри-

анон поймала себя на мысли, что находит его теперь необычайно привлекательным. Может это оттого, что она узнала, он не совсем человек. Каштановые волосы струились до плеч, обрамляя загорелое лицо. Оно казалось милым. Длинные ресницы выделялись темной бахромой над светлыми глазами. На щеках осталось что-то на подобие шрамом. Только сейчас находясь от него совсем близко она смогла это рассмотреть, крошечные белые рубцы могли быть следом от ножа или чьих-то когтей. Рианон вздрогнула при этой мысли и все равно протянула руку вперед, чтобы коснуться их.

– Сударыня...

Эти слова произнес уже не Арно. Звук исходил со стороны моря. Рианон обернулась.

– Забери свою арфу, – ей показалось, что нечто вылезает из воды и темные щупальца тянутся к инструменту. – Забери ее!

– О, не волнуйтесь, – отмахнулся было юноша. – С нами двоими такое уже случалось, с нею и со мной. Поверьте нас обоих можно собрать назад по щепкам.

– Слушайся меня, – возразила она и он подчинился. Арфа, как часть его, как душа, вырванная из его тщедушного тела, чтобы жить и петь отдельно, Рианон не представляла себе, что с ней может что-то случиться. Ей нужно было подумать раньше о том, что на побережье хватает крабов, скорпионов, раков и прочих выходцев из моря, которые могут по-

вредить струны, если доберутся до них. Струны его души... Рианон не могла наблюдая за тем, как Арно подбирает свой инструмент, не замечать, что они одно целое. Даже когда они разделены, они вместе и арфа поет за него. Вот почему она выражает такую тоску и меланхолию. Арно встал на колени перед ней и его каштановую шевелюру трепал налетевший с моря ветер. Рианон представила еще раз, когда клеща скорпиона случайно задевая струну рвет ее. Это было все равно, что перерезать вену самому Арно. Вот только существо выползавшее на берег совсем не напоминало краба или рака. Наполовину оно по-прежнему оставалось в воде, на берег потянулись только темные щупальца. Ни размером, ни формой они не напоминали ничего из того, что она видела до этого. Рианон напряглась, заметив два выпирающих бугра за темной спиной неизвестного. Его тело было сморщенным и черным. Ороговевшая кожа все еще выглядела так, будто обсыпана пеплом, хотя на ней уже начали прорастать водоросли и тина, к нему даже прилипли ракушки. Так выглядит дно давно пробывшего в воде корабля. Только оно не двигается само по себе, а это нечто жило. Одна уродливая клешня приподнялась, маня Рианон к себе и как это было не рискованно она откликнулась на зов. Подойдя к нему она даже не приподняла юбки, хотя ступала на уровень воды, но они совсем не намокли.

– Жемчужная, – существо с одобрением провело когтем по вышитому жемчугами подолу, – ты вся, как мое царство.

Хочешь взглянуть на мои чертоги под водой?

Рианон до боли прикусила губу, чтобы не вскрикнуть. Неужели два уродливых обвислых бугра за его спиной это то, что когда-то было крыльями. Она перевела взгляд чуть выше на засаленное черное туловище. К нему пристали устрицы и ракушки и будто вживились в него. Не тело, а меси-во из моллюсков, тины и рыбьей чешуи. Она не сразу заметила нечто напоминающее венец из кораллов на его уродливой голове. Его можно было принять за рога. Потом она перевела взгляд на то, что оставалось в воде и попятилась.

– Девочка – заря, совсем, как он, – существо повторяло те же самые слова, которые она до этого слышала от других не раз, но теперь они ее пугали. – Ты хоть представляешь, что с тобой произошло. Ты теперь часть нашего общего рассвета и падения.

– Пустите, – она попыталась вырвать подол, оказавшийся в его щупальцах.

– Не спеши, – существо слегка взмахнуло тем, что казалось остатками от крыльев и они вздрогнули, но поднять ввысь эти обрывки конечно же его уже не могли, к тому же нечто скрытое в воде напоминало о хвосте рыбы, скользком, продолговатом и неподъемном. Не одни рыбацкие сети этого бы не выдержали, попадись оно в них.

– Нет, милочка, это я ловлю зашедших вглубь рыбаков, а не они меня, – его гадкий смех прокатился над морем, на миг перекрыв шум прибоя.

– Прекрасное дитя, – его взгляд вдруг задержался на ее талии, опоясанной нитью из крупных жемчужин и золотых креплений. – Хочешь посмотреть, сколько всего у меня есть?

Другая его клешня разжалась, демонстрируя ей горсть крупного жемчуга, кораллов и каких-то редких невообразимых побрякушек из золота.

– Там много сокровищ на дне моря. И для моих подданных там отстроен чертог. Хочешь взглянуть хотя бы краешком глаза.

Его собственные аметистовые глаза блеснули, напугав ее.

– Но я не смогу дышать под водой, – возразила она.

– О, предоставь это мне, – он понимающе усмехнулся и потянул ее за собой.

– Я боюсь туда идти, – на ощутила, как ледяная вода окатывает ступни.

– Все вначале бояться, а потом не хотят уходить.

Рианон хотела обернуться на берег, чтобы еще раз посмотреть на Арно, может даже спросить у него совета. Она не слышала больше музыку его арфы. И птица сирин тоже куда-то улетела.

– Ты видела когда-нибудь русалок?

– Что? – вначале она не поверила своим ушам.

– А сельков, сирен, корриган? У меня свое войско под водой. И поверь если бы Лорет стоял на берегу моря, для тебя мы бы его покорили? Там ведь есть вода: колодцы, водоемы, рвы? Думаю, мы сможем туда проникнуть и вернуть тебе все,

что ты хочешь, даже если это придется затопить водой.

Предложение оказалось решающим. Рианон ступила в воду и позволила скользким клещам потащить себя вперед. Вода стала такой холодной и в то же время такой приятной, казалось, что она уже ничего не весит и водные толщи вот-вот расступятся перед ними двумя. Обрывки кожистых крыльев вновь дрогнули за отвратительной спиной, жутко пародируя взмах тех крыльев, которые она недавно ласкала в шатре. На воде разошлись светящиеся круги. Она заврожено следила за ними, ловя в каждом колечке света радужные блики. Они будто открывали куда-то вход. Там в глубине подводное царство.

– Достаточно на первый раз, – чьи-то руки обхватили ее плечи и легко вырвали ее из скользких объятий. Рианон ощутила, как некто поднимает ее на уровне воды и прижимает к себе.

– Она и так зашла уже слишком далеко, – пояснил Мадель, – Ей пора возвращаться.

Если существо в воде и было разгневано, то ни чем этого не показало. Увенчанная коралловым венцом безобразная голова склонилась в учтивом поклоне. Какое-то тихое бормотание раздалось на незнакомом Рианон языке, но очевидно, оно означало извинения. Мадель снисходительно кивнул.

– Пошли лучше со мной, – прошептал он уже поставив ее на берег. – Если тебе нужны новые впечатления, я могу

многое тебе показать.

— Что например? — она оглядывалась по сторонам в поисках Арно или сирина, но их обоих уже не было, хотя кажется в тени скал она различила силуэт птицы, но той ли самой.

— У меня все еще есть любимцы. Не такие как он, — Мадеэль кивнул на море, имея в виду только что вышедшее оттуда создание, которое так же там снова и исчезло. Морская пучина поглотила его, как она могла поглотить и Рианон. При этой мысли девушка вздрогнула. Сейчас перспектива опуститься на морское дно уже не казалась ей такой привлекательной.

— И какие они? — она перевела взгляд на Мадеэля. В наступавших сумерках с развевающимися на ветру волосами он казался особенно прекрасным. — Среди них есть... — она вспомнила о прекрасных женщинах с бала фей и даже не смогла договорить свою мысль до конца.

— Пойдем, я тебе все покажу, — он легко обхватил ее за талию, приподнял над землей, а через миг они уже летели, встречая ветер и ночную тьму. Несколько мгновений Рианон могла терпеть яростные порывы ветра, но потом спрятала лицо у него на груди. Ее пугал столько не сам полет, сколько высота. Они проносились так высоко от земли, что ее начинало тошнить от страха. Даже в его объятиях она не могла преодолеть свою боязнь высоты. Она чувствовала себя соринкой, затерянной в огромном пространстве, которая вот-вот будет уничтожена. Н ведь мог просто плотнее сомкнуть

кольцо рук наполовину прикрытых латами и раздавить ее, но все происходило, как и раньше. Ничего ужасного, только романтика мистической ночи и новых ощущений. Он опустился за горным хребтом, где лежала долина и оторвал Рианон от себя.

– Смотри! – он казал ей вперед, куда-то, откуда доносились душераздирающие крики, но не ясно было, кто может издавать такие звуки люди или звери.

В первый миг, когда она туда глянула ей показалось, что она видит фейерверк. Мрачное небо разрывалось цветными вспышками, они перемещались и переплетались между собой, чертя какой-то причудливый звездный круг. Так могут только двигаться планеты на своих орбитах, там рождается созвездия и лабиринты из волшебных молний. Со стороны зрелище действительно напоминало сплетенный из молний шар, орнамент или комету, и каждая извивающаяся искра в ней была нового оттенка. Такого многообразия цветов Рианон еще никогда не видела. Даже заглянув в шкатулку с драгоценностями она бы не ощутила подобный восторг. То, что она видела было красивее золота и драгоценных камней. Но от этого еще и исходила опасность.

– Огонь! – Рианон вскрикнула, заметив оранжевые струи извергаемые на землю. – Они сожгут меня из-за того, что я похожа на тебя и на них.

Она хотела закрыть лицо руками, но он перехватил их и крепко сжал в ладонях.

– Смотри! Не отворачивайся! Я не могу узнать никого из них. Может узнаешь ты. Каждая раз смотря им в глаза я вижу только внешнюю оболочку, а внутрь заглянуть не могу. У них как будто осталась лишь частица сознания и я не могу прочесть, кто из них кем был, кто полководцем, кто незаметным воином в моем легионе. Сейчас они все одинаковы. Теперь они...

– Драконы! – она посмотрела на охваченную огненными сполохами долину, какое величественное и пугающее зрелище.

– Не бойся, – Мадезэль обхватил ее за плечи. – Они опасны для других, а не для тебя, ведь ты со мной. А мне они подчиняются.

Он поманил одной рукой кого-то из них и тут же Рианон ощутила сильный порыв ветра. Перемещение воздушных масс от колебания огромных крыльев было резким и невыносимым. Ее бы наверное сорвало с места, как пушинку, если бы спутник не держал ее.

Подумать только, Мадезэль повелевал ими. Такой грандиозной армией. Но если задуматься, то все это воинство огнедышащих драконов не шло ни в какое сравнение с ним. Их невероятные силы склонялись перед силой, заключенной в нем одном. Именно поэтому они так охотно подчинялись ему. Их бывшей предводитель все еще оставался самым сильным. Это он мог уничтожить их, а не они его. Рианон не могла даже представить это себе его цепные звери – дра-

коны, а он их повелитель.

— Они сильно изменились, когда-то они были прекрасны, почти как я, а сейчас ты видишь, можно просто перебрать драгоценные камни и не ощутить разницы, хотя они все еще живые существа. Я хочу узнать их и не могу. И это невыносимо. Все они мои, те кто раньше шел со мной в бой, соратники, избранники, падшие ангелы. Но кто из них. Если бы можно было отличить их друг от друга. Просто заглянуть вглубь этих сверкающих глаз и узнать их прежних.

Рианон смотрела на чешую, которая действительно поразительно напоминала переливы драгоценных камней. А говорят еще, что драконы ужасны. По ее мнению даже павлиний хвост или жар-птица не могли бы источать такого сказочного сияния. Не шкура и панцирь, а живая сокровищница. Она как-то не задумывалась о том, что они могут раскрыть пасть и дохнуть на нее огнем. Ведь с ней же Мадеэль.

На его зов устремились сразу несколько драконов, хотя он подзывал к себе только одного ярко-красного, почти расцветки королевского пурпура. На этом фоне как два темных рубина сверкали чуть выделяясь глаза. Рианон замерла в восторге, а ее спутник вытянул вперед охваченную латными браслетами руку и коснулся головы дракона. Очевидно это был привычный поощряющий жест, так повелитель позволяет подданным поцеловать края своей мантии. Мадеэль слегка касался склоненного гребня, водил по нему рукой, казалось даже хотел прошептать что-то.

Рианон тем временем рассматривала дракона. Рубиновый гребень на его голове, похожее на пламя жало и будто сотканная из драгоценных камней чешуя. Невозможно представить себе ничего более красивого, величественного и опасного. Именно это сочетание опасности и красоты невольно завораживало, даже пугало. Но разве ее любовник был не таким же.

– Нравится? Коснись его!

Мадеэль направил ее руку, позволяя коснуться гребня. Дракон слушался ее. Он не отдернул голову, недохнул огнем. Возможно все они знали, что однажды их царь царей приведет им свою госпожу.

Сколько цветов, сочетаний, красок. Такое разнообразие. Будто в сокровищнице. Не хватает лишь одно. Золота. Что за казна без золота. Рианон устремила вопросительный взгляд на Мадеэля. Ее волосы развевались от ветра, создаваемого взмахами драконьих крыл. Вскоре это стал ураган.

– Есть ли среди них золотой дракон? – решила спросить она.

– Среди них? Нет, – его взгляд на секунду показался ей пустым.

– Почему?

Ответ поразил ее.

– Это должен был быть я.

Он на миг замолк, будто заново все переживая. А цветастый орнамент драгоценных тел свивался яркой бурей в грозовых небесах. Как красиво и страшно. Рианон затаила ды-

хание.

– Золото – это мой цвет. Понимаешь? Свет... Заря...

– Да, – неожиданно для себя она обернулась к нему, – Сын зари, – древнее имя слетело с языка будто против воли. – Золотой дракон. Мой дракон.

Он нахмурился.

– И я бы нравился тебе, если бы имел только облик дракона, – говорили без слов его глаза. – Тебе бы нравилось спать с чудовищем. С золотым чудовищем. Что если бы меня обезобразили, как их? Любила бы ты меня тогда? Или для тебя важнее всего соблазн, как впрочем и для меня.

– Но ведь золото это красиво, – ответила она вслух, представляя себе золотую драконью чешую и светящиеся как драгоценные камни глаза. Увидев его на поле боя впервые в его сверкающих доспехах, она сравнила его с драконом. Внутренне он и был им, могущественный и огнедышащий, только его сокрушительная сила в ряду исключения была обличена в невероятно красивую оболочку. Это исключение похоже было единственным. В конце концов их царь заслуживает для себя привилегии сохранить красивый облик. Но он то как раз и был опаснее всех тех, кто уже обезображен.

– Ты видела не все, – он отпустил дракона и тот присоединившись к общей стае влился в цветастый шевелящийся поток. Рианон бросила последний взгляд на клубок парящих в воздухе драгоценных тел, но Мадеэль уже тянул ее прочь.

– Не все остались в небесах. Это лучшие из моего воинства.

– Самородок на фоне темных небес, – сравнила она, как всегда не подумав об опасности и огне. Так сказал бы поэт, а в ее устах это могло показаться шуткой, но Мадеэль лишь кивнул.

– Да, а есть еще те, кого стоит постесняться.

– О чем ты?

Он вел ее вниз по склону. Они легко передвигались по горной гряде, будто это было ровная почва, Мадеэль подхватывал ее на руки лишь там, где нужно было перелететь через обрыв.

– Тебе лучше было бы увидеть все это самой, но многого я даже не хочу показывать. Ты же уже наблюдала за тем, кто выполз из моря. Он понравился тебе? – его рука чуть крепче сдавила ее запястье.

– Думаю, что нет.

– Но ты хотела уйти с ним на дно моря.

Она пожала плечами.

– Это был минутный порыв.

Ей не нравились проявления почти человеческой ревности, учитывая то, что в нем они могли преобразоваться во взрыв нечеловеческого гнева и пламени. Возможно, сирин был прав, что с ним нужно вести себя осторожнее. Мадеэль опасен тем, что сам не понимает собственных чувств. Он не знал, что такое любовь, не знает, что такое и ревность.

Чувства приходят к нему непрощенными и неопознанными, и он готов превратить во взрыв огня.

– Прости, – Рианон представила, как он может коснуться ее горло и легло сломать хрупкую шею.

– За что? – он даже удивился. – Если тебе нужны океаны жемчуга, я могу дать тебе это и здесь на земле, не за чем углубляться в пучину. Оттуда ведь можно и не вернуться.

– но ты был там, – она не сомневалась, что уйди она под воду и он мог бы спуститься на морское дно, чтобы вернуть ее назад.

– Я да, – Мадезль повел плечами. – И не завидую тем, кто туда пал. Им меньше всего повезло. Они конечно пытаются воссоздать там подобие небесной красоты, но это жалкие попытки. Там только рыбы, коралловые рифы и атоны, а еще мраморные своды под водой... но об этом мало кто знает.

– О том, что даже в подводном царстве у тебя есть трон? – ей показалось, что кое-что она видит его глазами. – И тебя там ждут.

– Но дожидаются редко. Иногда я уступаю свои владения кому-то другому, потому что мне там не нравится.

– И берешь с них дань? – поддела его она.

– О, знала бы ты, как хорошо это помогает держать многих в подчинении. Но море... – он остановился. – Знаешь звуки музыки под водой в том глухом водном царстве так напоминают голоса тех, кого я знал прежде... в раю. Кажется, лишь подняться сквозь мутную толщу и снова увидишь их. И все

будет как прежде.

– Ты этого хочешь? – она утешающе коснулась его плеча. Он поднял на нее удивительно ясные глаза.

– Я этого боюсь. Я не хочу возвращаться. Не хочу, чтобы все было, как раньше.

Вот он, непреклонный Денница. Она даже усмехнулась такой борьбе чувств и непокорности всем даже самому себе.

– Но ты все равно страдаешь, – заметила она. – Потому что не можешь этого вернуть.

– Нет, не поэтому, – вполне серьезно возразил он и вдруг по его губам тоже пробежала усмешка. – Просто всегда неприятно знать, что ты не сумел подтвердить своей силы в бою. Я ведь сражался за звание самого сильного.

О, как хорошо она его понимала. С тех пор, как потеряла Лоретт, она наверное могла понять его лучше чем кто бы то ни было.

– Удар о почву был больше всего, меня отрезвили, заставив понять, что я далеко не лучший.

– Но кто же тогда лучше тебя?

Он не ответил и она обернулась назад, надеясь, хоть краем глаза увидеть еще в небе клубок переливающихся драконьих тел.

– Я страдал, пока не встретил тебя. Теперь все изменилось, – произнес Мадээль. – Я как будто забрал то, что мне всегда принадлежало и теперь я чувствую. Что сильнее меня никого не может быть. Все потому, что у меня есть ты.

– Куда мы идем? – решила спросить она.

– В пещеру.

– А что там?

– Некоторые из драконов предпочитают своды пещер. Другие копят свои клады под землей. Золото и драгоценности это всего лишь часть тех небесных молний, которые нас поразили. Здесь на земле они приобрели ценность. Последняя память о небесах стала черной, она искрится и сверкает и мы смотрим в грани драгоценных камней, пытаюсь отыскать в них свое прежнее отображение. Так вначале я смотрел на тебя. Ты тоже мой личный драгоценный камень. Теперь я даже понимаю, почему мою бывшую рать так влечет к золоту, оно напоминает им о беззаботных временах.

– Оно напоминает им о тебе...

– И обо мне тоже. Жаль я сам не могу перебрать груды монет и этим утешиться. Мое наказание оказалось сильнее, зато сохранился прекрасный облик. Но найти покой было невозможно, а они находили его спят на груди остывшего огня, обжегшего когда-то их. Золото – то, что отняло их красоту, когда оно было жидким и раскаленным и теперь они спят на нем, надеясь вернуть себе ощущение прежней неуязвимости и красоты. Но это только миф, прекрасный самообман, мы ведь все уже знаем, что уязвимы.

– Кроме тебя, – она скользнула взглядом по его золоченой броне.

Он перевел взгляд на нее.

– У меня есть ты.

Она вдруг резко осознала собственную хрупкость. Она оказалась единственным слабым звеном среди непобедимой рати. Ее уничтожить было легче всего, ведь она всего лишь слабый человек. А больно от ее смерти будет падшему ангелу. Рианон представила себе карающую руку всевышнего. Он может убить ее, чтобы сделать больно ему, своему бывшему любимцу. А потом изнутри ее будто разорвала вспышка огня. Рианон на миг закрыла глаза и прислонилась к плечу Мадееля. Толчок был таким ощутимым, будто у нее под сердцем зрело что-то огненное и невероятно сильное и это ее обжигало. Ощущение было новым, неожиданным и весьма болезненным. Но главным было не это. Рианон вдруг поняла, что огонь внутри нее уже резко отличает ее от всех смертных. Возможно, это метка еще с рождения поставленная на ней сверхъестественными силами, и это означает, что она принадлежит к воинству Мадееля, а не к человечеству. Поэтому она с ним и никто не может отобрать ее у него: ни бог, ни люди, ни смерть.

– Пойдем в пещеру, – он осторожно поддерживал ее, потому что сама она идти уже не могла. – Там есть где присесть.

О, да, там действительно было место для отдыха. Плиты и скамьи отлитые из золота светились в темноте, но сесть на них рианон сочла бы святотатством. Усыпанные самоцветами они больше напоминали алтарь какого-то божества. Золотой трон в форме свившихся нечеловеческих тел также

поражал. Казалось, что это не подпорки и не подлокотники, а переплетенные тела крылатых созданий образуют его. На земле рядом высились груды червонцев. Монеты разных стран и эпох мало о чем ей говорили. Рианон лишь понимала, что они древние, как мир и еще древнее, потому что источник золота произошел еще до самого сознания мира. Оно очутилось здесь лишь после, как свидетельство поражения ее возлюбленного в небесах и начала его нового царствования и величия уже на земле. И как же оно сверкало.

– Значит когда-то это было солнечным лучом, – рианон потянулась к свитым из золота браслетам. Здесь валялись золотые кубри, чаши, подносы, ларцы, полные драгоценных камней и женские украшения. Рианон не хотелось даже думать о том, что они сорваны с тел убитых дракон девушек. Но картины кровавых расправ так и мелькали у нее в голове, когда она прикасалась к предметам. Вот эти кубки могли быть отобраны у проезжих купцов, как и затлевающие уже от старости дорогие ковры. То оружие с драгоценными рукоятями снято с убитых воинов. Те сундуки с монетами отобраны у торговых караванов. А о происхождении щитов и странных вещей расписанных рунами она не смела даже догадываться. Они казались такими же древними, как и ужасающее существо, спящее в центре пещеры, среди разбросанных по полу драгоценных камней. Мощный черный хребет вырисовывался на грудях золота. Плотное тело практически утопало в них. Сзади подрагивал рельефный разделен-

ный зубцами хвост. К голове Рианон не осмелилась бы даже приблизиться. Но Мадээль опустился рядом и осторожно провел пальцами по гребню и чешуе.

– Посмотри на него, – обратился он к Рианон, не отрывая глаз от спящего дракона. – Мне кажется, я все-таки его узнал. Он стоял во главе одной из моих когорт. И у него остался тот же самый щит. Прекрасный воин... Теперь сон для него побег от себя самого.

Рианон подумала, что он прав. Если все действительно так как он говорит и самые прекрасные создания небес превратились в то, что она сейчас видела перед собой, то как же они должны себя чувствовать.

Она подумала о том, какими бы оказались глаза дракона, если бы он раскрыл их. Такими же как сапфиры, лежащие горкой рядом или красными, как огромный карбункул, сверкающий поверх груды золотых монет. Из мощных ноздрей спящего пока что вырывался только пар, но один раз он можетдохнуть огнем. Однако пока этого не происходило. Дракон казался умиротворенным. Когти обнимавшие груды золота не шевелились.

– Благодатные сны, – Мадээль встал и отошел в сторону. – Мне они никогда не снились. Были только бодрствование и боль. Все равно как если бы твое сознание ежеминутно обжигали огнем.

Он опустил голову, так что завеса золотых кудрей на миг скрыла выражение его лица. Рианон не сомневалась каким

оно было. Она не могла понять лишь то, каким был бог, который способен любить кого-то, подтолкнуть его к бунту, а потом наказать с неимоверной жестокостью своего же любимца. Если посмотреть на мир, утопающий в жестокости и пороке, то сомнения в желаниях бога уже не остается. Он хочет человеческих страданий с такой же одержимостью, с которой пытается своих возлюбленных. Ей и самой пришлось так невыносимо тяжело.

– Потому что ты нужна нам, – тишину в ее сознании вдруг разорвали звенящие голоса. – Нужна вместо него.

Рианон миг прислушивалась к ним. Не кажется ли ей. И слышны ли они хоть кому-то кроме нее.

Нужна вместо него. Фраза без конца повторялась в ее сознании. А вместе с ней и неожиданная догадка. Тот кто слишком много страдал может стать покорным и благодарным. Если бог, который терзал ее, как его, вдруг показал бы свою милость, она бы так обрадовалась. Но так было лишь до знакомства с Мадеэлем. С ним она узнала истину. Однако невероятные звенящие голоса все еще звали.

– Иди к нам!

Они звенели тоньше и пронзительнее, чем золотые монеты, чем язычком колоколов, чем музыкальные инструменты. Они будто были сотканы из звуков неземной гармонии и в то же время они пугали. Она посмотрела на Мадеэля и поняла, что он не слышит их.

– Что с тобой? – он протянул руку и коснулся ее талии,

словно ему необходимо было проверить, что она все еще здесь, рядом с ним. – Ты как будто отдаляешься от меня.

Она отрицательно покачала головой. Стараясь не внимать больше звону в своем сознании.

– Так только кажется, – возразила она, хотя сама в этом не была до конца уверена. А ведь ей хотелось внушить себе, что небесные голоса это всего лишь иллюзия. Они звучали, как далекий перезвон, как колокола наверняка ждущие ее на той башне, куда она поднималась в своих снах. Это был зов небес. Во снах они тоже ее звали. Кроме пьянящего очарования в этих голосах была суровость, призрачность и тайна. Это очарование падающих снежинок, смотришь на них и видишь красоту, а если коснешься, то ощутишь лишь холод. Ей куда ближе был Мадеэль весь огненный, но желанный. Она снова обратила взор на спящего дракона. Что если он сейчас проснется и пещера озарится светом уже совсем другого пламени.

– Со мной все хорошо, – быстро сказала она. – А как с ним? – она кивнула в сторону спящего чудовища. – Он может проснуться прямо сейчас.

– Ты хочешь его разбудить?

– Ни в коем случае, – Рианон отпрянула.

– Зря ты так боишься, – Мадеэль обернулся назад к золотым копиям и дремлющему на них зверю. – Они не тронут тебя, ты сама как огонь. А мы ведь уважаем своих, правда.

Он опустился рядом с головой дракона и снова провел

пальцами по продолговатому зубчатому гребню. Кажется спящее существо откликнулось на его ласку утробным урчанием. Рианон последила миг за ним и захотела выйти из пещеры. Она смотрела, чтобы шлейф ни за что не зацепился. Хотя ткань платья и могла восстанавливаться сама собой, но все же ей не хотелось рисковать. Те наряды, которые приносил ей Мадеэль были как произведение искусства, ни одна смертная портниха не сумела бы воссоздать ничего подобного. К тому же это были подарки ее неземного возлюбленного. Рианон совсем не хотелось портить их.

И все-таки как она не старалась пройти тихо, а задела что-то подолом платья. Одна из монет с шумом откатилась в сторону от горки и звеня понеслась по неровному полу. Сзади тут же раздавался какой-то страшный звук. Рианон напряглась и обернулась, хотя знала уже, что увидит. Чудовище подняло голову, потревоженное тем, что его сокровища кто-то тронул, оно выглядело разъяренным. Темные как оникс глаза с золотыми крапинками гневно следили за ней, из раздутых ноздрей уже вырывались тонкие струйки пламени. Сейчас оно раскроет пасть и дохнет огнем. Рианон застыла на месте, не в силах двинуться или что-либо предпринять. Все равно бежать уже бессмысленно. Она в его пещере, в его власти, а сейчас все вокруг сметет огненный взрыв.

– Тихо! – Мадеэль властно сжал руками его лоб пониже гребня, провел по векам, а потом склонился низко к выгнутому драконьему уху, так, что каскад его золотых локонов

накрыл завесой морду чудовища. Концы роскошных прядей касались ороговевшей чешуйчатой кожи, чуть щекоча ее. Рианон следила с испугом и почти с ревностью. Казалось, сейчас он поцелует дракона, но Мадеэль только зашептал какие-то тихие утешительные слова. Он говорил конечно же на своем шипящем неземном наречии, и она не поняла ни слова.

– Иди! – прошептал он на миг обернувшись к ней. – Я сейчас догоню тебя.

Вначале Рианон сочла за благо послушаться, но у выхода из пещеры все же обернулась. Она заметила острый стилет в руке Мадеэля и то, как он ранил собственное запястье. Зачем? Она не могла понять, хотя однажды он уже сделал так в шатре, чтобы исцелить от ран ее. Его кровь исцеляет? Или дарит забвенье? Посылает божественные сны? Рианон посмотрела, как он прикладывает свою рану к выпуклой пасти. Та приоткрылась, обнажив ряд жутких зубов и кровь окрасила их. Может ей только казалось, что капли его крови сами собой воспаляются. Он не отнимал руку от страшной пасти и все еще склонялся над чудовищем, шепча утешающие слова.

Ей стало невыносимо на это смотреть и она вышла, споткнулась о щербатый пол у выхода из пещеры. Вид сталактитов и сталагмитов уже выводил ее из себя, а еще тут всюду валялись камни, а меж стен проросли сорные травы. Рианон хотелось поскорее уйти отсюда, она даже не сразу оста-

новилась, расслышав впереди голоса.

– Там всегда май и всегда так хорошо, – говорил чей-то напевный голосок, в котором угадывалось ехидство. – Еще бы не хорошо. Прекрасно знать, что за порогом всегда весна и миг ее расцвета никогда не пройдет, никогда не уступит место суровой зимней стуже или увяданию осени. Посмотри, мы поросли гнилью, как осенние грибы в подлеске, а он... Его весна не кончиться никогда. Он вечно юн, прекрасен, светел. Он никогда не потемнеет, никогда не станет уродлив, пройдут еще тысячи лет, а в нем так и не откроется ни одного изъяна. Господь чтит свое творение. А мы... да что мы, любимцем всегда был он. И нашим любимцем тоже. Хотя он не смотрит на нас сейчас, точно также как не смотрел тогда. Единственная разница в том, что тогда мы тоже были красивы. А сейчас... – голос презрительно хмыкнул. – Мы тоже бессмертны, но мы не такие как он, нас разложение коснулось, а его нет, и это нечестно.

– И нечестно то, что он увел у нас красавицу, – подтвердил другой голосок.

– Точно, – одобрительно отозвался кто-то третий. – Уж она то по крайней мере могла остаться с нами. Это такая малость взамен того, что у нас больше нет его и нашей красоты.

– Ну, он то у нас есть, но он как будто уже и не с нами.

Рианон попыталась чуть выглянуть из своего укрытия. Ей показалось, что в одном из голосов она признала Атенаис. Так и было. Та сидела на кочке, с досадой распутывая свои

поросшие рябиной и грибами темно-агатовые кудри. Она была такой хорошенькой и рассерженной, прямо миниатюрная фарфоровая куколка, которая вдруг ожила и заговорила. Вид немного портила лишь грибная опухоль, въевшаяся ей в кожу.

Ее подруги ни чем от нее не отличались, такие же премильные и такого же маленького размера, будто кто-то нарочно их уменьшил, чтобы смирить их нечеловеческую гордость. Только вот она от этого кажется только возросла.

– Надо у него ее отнять, – Атенаис смотрелась в небольшую лужицу как в зеркало и иногда бросала туда цветки, выпутанные из своих кудрей, от чего по воде проходила цветная рябь и отлетали искры. Рианон казалось, что она видит рядом с феями блуждающие огоньки, которые танцуют кругом около трех подруг. Со стороны казалось, что их разноцветные наряды украшены ягодами и цветами, но Рианон уже знала, что на самом деле это их плоть так же плодородна, как земля под ногами. Возможно пройдет еще столетие другое и у них есть шанс превратиться в цветочную клумбу, не без сарказма подумала она. И все же Атенаис чем-то ее привлекала. И в то же время отталкивала. Это было необъяснимо и не то чтобы приятно. На нее как будто сделали приворот и теперь капризные поджатые губки этой живой куклы будили в ней противоречивые чувства.

– И как мы ее уведем? – спросила одна из фей, та ярко-оранжевый наряд которой напоминал закатное солнце,

а в ее и без того желтых волосах прорастала акация.

– Придумаем что-нибудь, – отмахнулась Атенаис.

– А что же господин, – заметила третья, вся в зеленом, с мхом, покрывавшим волосы и часть плеч, она сама была почти неотличима от кочки или болотной топи. – Он ведь разъяриться.

– И поделом ему будет, – решила Атенаис. – Ему нет дела до наших чувств. Поступая плохо, мы всего лишь берем пример с него. Даже если наши злые шутки направлены против него самого.

– И как ты собираешься уговорить девушку остаться с тобой в заперти, среди лесов и болот. Что если онадохнет на тебя огнем? – рассудительно спросила зеленая фея.

Глазки Атенаис лукаво сверкнули в ответ.

– О, поверь, мы найдем с ней общий язык, – заметила она с легкой примесью кокетства.

На миг повисло молчание. Прервала его снова зеленая фея.

– И все-таки девушка пока с ним, – заметила она.

– Конечно, – Атенаис вдруг рассмеялась. – Май. Пора любви. Для нашего господина, который не может любить. Ха-ха. Не может, а вышло, что может.

– Он снова счастлив и снова ходит с непокрытой головой, – вставила оранжевая фея, теряя свою акацию.

– С непокрытой головой? – Атенаис гневно наморщилась и тут же стала являть скусившуюся пародию самой себя. –

Но ему нельзя ходить с непокрытой головой. Нельзя показывать смертным, как он красив. Его за это накажут. Голова подобная солнцу ослепляет и не только смертных, но и нас. Он не имеет право гордиться перед всеми своей красотой.

– Что? – Рианон ощутила вдруг чьи-то сильные руки на своих плечах и неожиданно обрадовалась им. Чего нельзя было сказать о феях. Кажется, они наконец ее заметили. Во всяком случае три пары глаз одновременно устремились в ее сторону, а через миг только сноп цветных искр взметался на том месте, где только что сидела воркующая троица. Похоже. Мадеэль выросший за ее спиной, так их всех напугал, что продолжения разговора не предвиделась. А это ведь был заговор.

– Теперь они знают, что ты знаешь... – она обернулась к нему.

– И что с того?

– Думаю, я поступила умнее, притаившись в тени.

Он только покачал головой.

– Козни плетутся все время. Это теперь их обязанность, делать место ссылки, где они очутились, еще более невыносимым. Они сами как грибок. Что ты еще хочешь? Разве можно рассчитывать на преданность от тех, кто сами уже знают толк в предательстве?

– И ты это терпишь?

– А почему бы нет? Что они могут сделать? Лопнуть от злости. Я буду только рад. Они мне все так надоели, – он

устало повел плечами, будто латы сковывали не только его, но и распростертые за плечами крылья.

– Это жестоко, – заметила она.

– Да. От меня другого и не ждут. В конце концов я тот, кто я есть. И даже если кто-то набирается смелости, чтобы выступить против меня, для отступления им нужно всего лишь взглянуть мне в лицо. Я тот кошмар, с которым не хотелось бы столкнуться никому. А ты меня любишь.

– Да, разве можно не любить. Ты когда-нибудь видел собственное отражение.

– А ты заглядывала внутрь?

– Кажется, да, – она вспомнила их вдвоем, сплетенных на ложе в любовном объятии, разве можно хоть иногда быть ближе, разве только, когда смотришь ему в глаза и будто заглядываешь в глубь его.

– И что же ты увидела, – он осторожно провел пальцами по ее подбородку, приподнимая лицо так, чтобы их взгляды встретились. – Кого ты увидела? Монстра?

Она отрицательно покачала головой.

– Кого-то, кто похож на меня, – ответила Рианон. Она не лгала. Его пальцы все еще перепачканные в крови оставили на ее шее красный след. Рана на его запястье уже затянулась, но алые мазки все еще багровели на коже. В тех местах, где его кровь коснулась ее по телу разлилось приятное тепло. Это было почти что ощущение блаженство. Он как огонь, может согреть, но может и обжечь. Все дело в степени

нагревания. Когда он спокойное все хорошо, но стоит возникнуть гнев, и разражается буря.

Она поднялась на мыски туфель, чтобы дотянуться до его губ. Ей захотелось подарить ему один долгий. Долгий поцелуй, прямо здесь перед логовом дракона. Его губы тут же раскрылись и ответили. Со стороны они казались неприкосновенными и такими же обжигающими, как он сам, но для нее становились такими податливыми. Рианон с трудом оторвалась от них, старательно игнорируя то, что его рука призывно впилась ей в талию. Он мог раздавить ее. Латный браслет впивался ей в корсет почти до боли, но ей было все равно. Она любила настаивать на своем, даже если это было безрассудно. Вот и сейчас она шутила с огнем, а он как ни удивительно подчинялся ей. И все потому, что она вызвала его восхищение. Красота великая сила. Рианон была довольна собой. И впервые в жизни довольна тем, что она родилась такой необычной и прекрасной. Она почти что близнец божества и этого вполне достаточно для того, чтобы чувствовать себя на вершине Олимпа. Ей было так хорошо с ним. И все-таки она вспомнила об улетевших феях.

– Меня поразило одно, – заметила Рианон, обращаясь с Мадэлю. – Они говорили про май, а кругом зима.

– Только не в нашем мире, – усмехнулся он. – Суровая зима сейчас окутывает мир смертных и мешает им продолжать вести войну. Как в общем и во многом другом, – по его лицу скользнула озорная мальчишеская улыбка. – Смертным

приходится довольствоваться тем сезоном, который посылает им природа, а в нашем мире будет то время года, которое выберем мы.

– Наш мир это твой шатер, – она насупилась.

– Подожди, – он понял ее и привлек к себе. – У нас будет свой дом, если ты захочешь и такой какой тебе непременно понравится. Я знаю, что больше всего тебебы подошло роскошное обрамление. Любая драгоценность нуждается в нем. А ты ценнее чем любой драгоценный камень.

– Я вовсе не хотела намекнуть, что наш шатер тесен, – а тем более он не казался ей лишенным роскоши, она сказала это просто так. Ей казалось, что пурпурные матерчатые стены чем-то ограничивают ее. Они были обрамлением Мадееля во время его военных походов. Они как живые могли и не принять ее, а могли и не отпустить. У нее никогда не было ощущения того, что он держит ее в заточении и все-таки иметь свой собственный замок или дворец оказалось заманчивой перспективой. Рианон вспомнила о своем замке в Лорете, о роскошно декорированном тронном зале, о гербах, о гобеленах, о массивной украшенной резьбой мебели и драпировках из бархата и дамаста. Жить в таком замке было бы мечтой, если бы они жили там только вдвоем, а не в кругу амбициозных придворных, рвущих себе власть, надоедливой челяди и заговорщиков.

– И все-таки я сделаю тебе подарок, – Мадеель провел рукой по ее волосам, зачерпнул пригоршню мягких упругих

локонов и пропустил их меж пальцами, как струйки золотого песка. – Мне хочется тебе что-нибудь подарит. Что-то такое, что приведет тебя в восторг.

– Этого вовсе не нужно, – попыталась возразить она. Ей хотелось сказать, что она любит его совсем не потому, что он может ей что-то дать, а только за него самого, но Мадеэль выразительно покачал головой, предупреждая ее слова.

– Если бы небеса сейчас были моими, ты бы получила их целиком, – зашептал он ей на ухо. – Все за что я сражался могло бы стать целиком моим, но теперь я понимаю, что в этом не было смысла. Зачем завоевывать что-то, если некому потом это преподнести. Теперь каждый раз одерживая победу, я хотел бы делать это для тебя.

У нее внутри все перевернулось. Она вспомнила Лоретт. Он ведь мог вернуть ей королевство. Ему это ничего бы не стоило, кроме нескольких взмахов меча. А если он не захотел бы воевать сам, он мог бы одолжить ей свои армии, хотя бы свои драконьи стаи и тогда она бы прошлась по улицам знакомого города уже победительницей. Рианон представила себе толпу родного Лорета, безразличных к ней людей, горожан и придворных предателей трепещущих перед войском нечисти, которую привела она, их законная и низвергнутая принцесса. Она чувствовала себя сейчас наверное также как Денница после восстания. И она хотела вернуть себе все, что по праву принадлежало ей. Он мог бы сделать это одним махом. Только пока она не решалась попросить его об этом.

В мозгу роились черные планы мести, но она не хотела нарушать пока волшебство этого мгновения. Темная романтика окутавшая их целиком ее поглотила. Ей просто нравилось молча стоять так прижавшись к груди своего ангела.

– Ночная тьма как будто создана для тебя и меня, потому что сами мы, как звезды во тьме, кусочки затерянной здесь зари, – она ощутила, как его крылья вздрогнули над ней и слегка зашелестели. Это было так приятно, ощущать их легкие движения позади его сильных плеч и рук. Одна его ладонь запуталась в ее густых локонах, другая лежала на ее спине. Ощущение того, что нечто волшебное рядом в столь материальной и осязаемой оболочке почти сводило ее с ума. Это было так прекрасно, просто находиться рядом с ним. Она боялась, что с первыми жестокими словами и требованиями мести это волшебство закончиться. Она не хотела его отпускать. К глазам подступили слезы от одной только мысли, что все может взять и просто так оборваться.

Мадеэль плотнее прижал ее к себе. Кажется, он чувствовал, что внутри нее происходит борьба. Он истолковал это по-своему.

– Ты не должна жалеть, что ты меня выбрала. Я могу доказать, что я достоин тебя. Я не хочу отдавать тебя ни богу, ни человеку, ни тем более кому-то из своих подданных. Это значит, что я должен стать лучше всех. Мне придется заслужить в полной мере твое восхищение.

Рианон вздохнула. Он как будто разучился читать ее мыс-

ли. Зачем сомневаться в том, в чем не стоило сомневаться. Она бы в любом случае выбрала его.

– Есть одно место, высоко, высоко, – зашептал он. – Тебе стоит его увидеть.

Она хотела уже сказать ему о своем страхе перед высотой, но не смогла даже раскрыть рот. Он должен был знать, как сильно это ее терзает и все равно он каждый раз открывал ее от земли, прижимал к себе и пускался в полет.

– Там живут те, кто хуже драконов, – предупредил он. – но там до сих пор был мой дом...

Само слово показалось ему странным. Дом... У него не было дома. Скорее пристанище. Маленький островок пурпура, камня и золота на фоне окружающей темноты. Но он не хотел долго рассказывать об этом. Слишком много было запутанных фактов и того, о чем упоминать вообще не стоит.

– Ты сама все увидишь. Я тебе покажу.

А потом снова был полет. Рианон уже привыкла к этому.

Башня Мадеэля

– Тайное место мира, которого как будто и нет, – Мадеэль держал ее за руку, помогая сойти с зубьев парапета, на которые они приземлись. Рианон оглядывалась, стараясь понять, есть сюда какой-то другой вход кроме, как со стороны крыши, но ее тошнило от головокружительной высоты и она не могла ничего рассмотреть. Боже, эта башня наверное упирается своими зубьями в небеса. Она остановилась и прижалась к спутнику. Ей было страшно идти дальше. Какое-то время он нес ее на руках, но потом опустил на землю. Благо это был уже гладкий мраморный пол, а не шероховатое покрытие крыши. Рианон вскрикнула заметив, как что-то быстро прошмыгнуло мимо ее ног и пронеслось по шлейфу. Неужели крыса. Она затаила дыхание. Что-то черное и гадкое ей удалось рассмотреть, но это были совсем не крысы. Рианон попятилась, заметив, что чьи-то когти скребут портьеру перед ней.

– Спокойно, – Мадеэль отвел прядь волос за ухо и посмотрел на потухший канделябр перед настенным зеркалом. Свечи в нем тут же ярко вспыхнули. Другие светильники и бра расставленные по всему помещению последовали их примеру. Однако в зале от этого не стало светлее. Ее драпировки и стены кажется источали мирное сияние сами по себе, но огоньки свеч являлись всего лишь украшением, а не пред-

метом освещения. Они будто парили над фитилями. Погубленные души, навечно заточенные здесь, подумала Рианон, глядя на них.

А потом чьи-то когти потянули ее за подол платья. Рианон отпрянула. Что-то сторбленное и гадкое прижалось к ее ногам.

– Это всего лишь гарпия, – заметил Мадеэль. – Одна из обитающих здесь. Знаешь, они могут неплохо прислуживать, если обучить их...

Он говорил так, будто речь шла о диковинной зверушке, о ручной обезьянке, попугае или райской птице. Рианон конечно предпочла бы получить в подарок нечто другое, но похоже тварь уже признала в ней свою госпожу. Рианон наклонилась разглядывая находку. Это жуткое существо могло бы вызвать овацию, если посадить его в золотую клетку и показывать в цирке. Пропорции линий, конечностей и когтей конечно же содержали в себе жутковатую грацию. Рианон заметила, как маленькое чудовище раболепно расправляет ей шлейф и вдруг ощутила себя настоящей королевой. Теперь у нее в услужении есть собственный бесенок.

Итак, подарок был принят. Рианон двинулась дальше, а гарпия семенила за ней, прямо возле кончика ее шлейфа, скользящего по начищенному до блеска полу.

Вокруг все было идеально: бархат, мрамор, червленое золото многочисленных канделябров, но что-то напоминало о крови и огне. Пустота вокруг казалась такой обманчи-

вой. Что если пустое пространство это всего лишь декорация и сейчас оно вдруг наполниться адскими криками.

– В чем-то ты права, – Мадеэль взял ее под руку и кивком указал вперед на анфиладу мрачных залов. – Это место принадлежит только мне, но живу здесь не я один. Тут полно постоянных обитателей, которые в отличие от меня никуда не уходят, потому что просто не могут уйти.

– То есть они прикреплены к этому месту, как крепостные изи заключенные?

– Можно и так сказать...

Проходя мимо Рианон не удержалась от искушения и заглянула в одно из роскошно обрамленных золотом сумрачных зеркал. В тот же миг она с криком отпрянула. Ей показалось, что длинные подвески золотых сережек в ее ушах извиваются сами собой, словно две живые змейки.

– Не бойся, – Мадеэль осторожно отвел ее руки от лица. – Смотри, отражения живут сами собой.

Он даже не заглядывал в зеркало и не двигался, но она краем глаза увидела его там, но немного другого, шепчущего что-то и яростного, сжимавшего в одной руке расписанный рунами щит, а другой рукой обхватившего ее горло.

– Я никогда бы не сделал так, – заметил он.

Она перевела взгляд на его правую руку и не заметила на ней никаких золотых когтей, а у отражения они ведь были. Рианон пожала плечами и не стала больше оборачиваться на зеркала. Она пошла вслед за ним дальше.

– А что там? – рианон глянула за одну из отодвинутых драпировок и поморщилась от отвращения. Она точно не знала, что успела рассмотреть в темноте, но это испугало ее настолько, что она на миг остановилась. Кажется там была лесенка ведущая вниз с золочеными перилами, но за ней... Рианон успела заметить скользкие и влажные от чего красного ступени, а еще черные когти в темноте. Не такие же точно когти, как у драконов или шедшей за ней гарпии, а куда более опасные.

Она приложила руку к груди и ощутила, как по телу пробежала дрожь.

– Нет, не ходи туда, – Мадеэль удержал ее. – Не нужно.

Она поняла, что не стоит задавать вопросов. Его лицо на миг стало непроницаемым. От него веяло таким же холодом, как от золота, разбросанного в драконьей пещере.

– Лучше пойдем сюда, – Мадеэль с неожиданной настойчивостью потянул ее в противоположную сторону. – У меня есть здесь личные апартаменты, куда никому нельзя заходить, а еще зал для пиршества. Я не хотел показывать тебе наши пиры, но...

Рианон пошла вслед за ним и вскрикнула. Как она раньше могла не ощутить звуков копошения на полу. Еще бы, ведь до этого она смотрела по сторонам и вверх, на изысканный золотой орнамент, филигранные бра, изящные зеркальные рамы – роскошный эдем, оформленный в золотисто-пурпурных красках, вырисованных на фоне тьмы, но стоило по-

смотреть вниз и она будто очутилась в аду.

Насколько хватало взгляда на сверкающих мраморных полах копошилась густая масса деформированных черных тел. Все будто состоящие из продолговатых костей и кожистых крыльев и все будто обожженные. Она удивилась, почему на начищенных до блеска полах не остается пепельный след.

– Я же говорил тебе, что драконы не самые худшие, – Мадеэль двинулся вперед, расшвыривая ногами тех, кто не успевал отползти прочь. Они боялись его, рианон только сейчас это поняла, все эти ужасающие и невероятно сильные, обугленные твари спешили скрыться от него в темноте, как будто именно он и был тем небесным огнем обжегшим их. Но она то уже знала, что все как раз наоборот. Это он вызвал огонь на них и на себя. И при этом всем он казался таким невинным. Он поступал жестоко, убивал, ненавидел своих же последователей и все равно казалось, что он делает это не потому, что хочет сам, а потому что кто-то заставляет его.

Рианон цеплялась за его руку и иногда взволнованно оглядывалась через плечо, она боялась прикоснуться хотя бы случайно к кому-то из этих существ. Очевидно, он уже привык входить сюда вот так, расшвыривая ногами воющих тварей, которые каждый раз старались уползти прочь, ослепленные его ликом и напуганные его силой. Но она к этому не привыкла. Ей стало страшно. Стоило только посмотреть на их сверкающие глаза и обугленные туловища, на жуткие

когти и клыки и обрывки крыльев, шевелящиеся за костлявыми спинами. Они были сильными, невероятно сильными, но такими уродливыми. Рианон передернуло от гадливости. Она бы никогда не осмелилась прикоснуться к чему-то подобному. Но ведь когда-то они все были прекрасны, если верить Мадеэлю. Даже это жуткое нечто только что отползшее от ее ног скользкой гнойной лужицей когда-то возможно обладало частицей его красоты. Сейчас в это уже не верилось.

– И это твоя армия, – Рианон перевела взгляд повыше и заметила притаившихся в стенных нишах ифритов. Они произвели на нее несколько иное впечатление. Такие же черные, окутанные кожистыми крыльями и судя по взглядам чрезвычайно коварные они все же не ползали еще по земле и сохраняли какое-то подобие грациозности.

– Там есть зал для пира, пойдем, – он помог ей подняться по нескольким ступенькам вверх и копошащаяся масса черных тел осталась внизу.

– Идем! – Мадеэль коснулся рукой тяжелый бархатных портьер преградивших им путь и они тут же приподнялись, золотые кисти обвязали их ровно посередине, позволяя взглянуть на проход и залу за ним.

Действительно, зал для пира, отметила Рианон. Несмотря на горящие свечи все в нем тонуло в полутьме, но она уловила запах изысканных блюд и аромат цветов. Кажется, лаванда, а може жасмин. Нет, таких цветов она еще не видела никогда. Рианон взглянула на амфоры, поддерживае-

мые фигурками неизвестных ей богинь, кажется, эти фигурки шевелились. Рианон затаила дыхание, наблюдая за золотым орнаментом и канделябрами, состоявшими большей частью из таких же крылатых фигурок. Чудо, но казалось они все двигались, тщетно взмахивали крыльями и шевелили конечностями, стараясь вырваться из своего золотого плена.

– Что это?

Он только пожал плечами и сам пододвинул ей стул. Сам он отошел и занял место во главе стола. Резкое кресло похожее на трон само отодвинулось, встречая его. Он сел и отвел ото лба спутавшиеся локоны. Тут же чьи-то невидимые руки начали подавать еду, наполнять хрустальные бокалы. Кто-то развернул салфетку для Рианон и наполнил ее кубок искристым вином. Она съела немного жаркого, отпила глоток вина. Она давно не ощущала голода, но запах еды оказался неожиданно соблазнительным. Мадеэль просто сидел и наблюдал за ней. Они сидели по разные стороны стола, он во главе, она с другого конца, прямо как хозяин и хозяйка замка. Были бы они сейчас среди смертных и имели бы свой собственный замок, она назвала бы их лордом и леди, или еще лучше королевой и королем. Но они были не среди людей. Место предназначенные для гостей оставались пусты. Ифриты застывшие где-то высоко в нишах под потолком казались всего лишь статуями, вместо обычных слуг им прислуживали незримые и казалось, что все вокруг происходит само собой. Мадеэль мог предложить ей это место потому,

что уже считал ее своей королевой, а может только из-за того, что так ему было удобнее наблюдать за ней. Их разделяла только протяженность стола. Для него она ничто, если он захочет сорваться с места и подлететь к ней, но он был спокоен. На его лице даже застыло немного странное выражение. Кажется, ему впервые приходилось бывать на такой тихой трапезе.

Заметив, что он ничего не ест, Рианон тоже отложила столовые приборы. Теперь они просто сидели и смотрели друг на друга посреди стола ломившегося от яств. Единственным кто успел сориентироваться оказалась гарпия, до этого копошившаяся возле шлейфа Рианон. Очевидно, решив, что ее место теперь всегда рядом с госпожой, она ловко вскочила на стол перед тарелкой Рианон и начала обдирать мясо с запеченной свиной туши. Ее привлекли и баранина, и тушеное мясо и гуси, из которых она выкинула кусочки яблок, так же брезгливо, как другие выплюнули бы из еды косточки. Кажется, эта зверушка могла питаться только чем-то мясным. Рианон посмотрела на то, как она ест и невольно увлеклась. Даже эта мерзкая тварь в окружающей таинственной обстановке вдруг показалась ей привлекательной.

Мадеэль наблюдал за всем этим с полным безразличием и какой-то отстраненностью. Блики свечей играли вспышками на его золотистых кудрях, но совсем не касались лица. Казалось, оно светиться само по себе.

– Почему ты не ешь? – наконец осмелилась спросить она.

Он только повел плечами, явно не зная, стоит ли отвечать.

– Эта еда мне не подходит, – все же пояснил он.

– А какая подошла бы, – Рианон проявляла излишнее любопытство, но с недавних пор она не боялась рассердить его. Он как огонь, но ей нравилось играть с опасностью.

– Тебе лучше этого не знать, – тихий голос прозвучал неожиданно твердо и гарпия на столе насторожилась, чуть не выронив из когтей обглоданную кость. Но Рианон было сложно остновить.

– А если я захочу узнать. Помнишь, ты сказал как-то, что выполнишь любое мое желание.

Сама она прильнула к бокалу. Ей вдруг резко захотелось пить. Мгновенье он смотрел на нее, долго и внимательно, будто старался заглянуть ей в душу, а потом лишь быстро повел плечом.

– Как пожелаешь.

Он щелкнул пальцами, явно отдавая какой-то приказ и те же невидимые, что до этого прислуживали Рианон, теперь поставили что-то и перед ним.

Она внимательно смотрела на золотое блюдо внушительных размеров. На столе оно было как будто лишним и от него не исходило приятного запаха приготовленной еды. Однако оно было наполненным. Такой роскошный предмет, отделанный изящной чеканкой, но то что лежало на нем... Рианон невольно поморщилась. Это же было сырое мясо. На миг ей стало дурно. Она пыталась представить себе эту тушу на вер-

теле и не могла. Кровь сочащаяся по костям ей о чем-то напоминало. Но о чем? Она заметила, как те же невидимые слуги наполнили такой же алой жидкостью и кубок перед ним. Следя за красной струйкой стекающей в бокал она вспомнила, конечно же, то же самое она видела на поле боя. Она сама проливала там кровь и оставляла на земле такие же туши, растерзанные острым лезвием человеческие тела. Теперь она видела все то же самое, аккуратно выложенное на золотой посуде.

Мадеэль неохотно отломил одну кость и поднес окровавленный кусок к губам, но на миг задержался.

– Ты действительно хочешь смотреть дальше? – будто спрашивали его глаза.

Она с трудом сглотнула. Рядом с той внушительной тушей, которая осталась на блюде блестело что-то. Золотое кольцо с печаткой. Рианон уже видела точно такое на руке одного из убитых рыцарей на поле боя.

Мадеэль не доев кусок бросил его все той же гарпии, которая понеслась за ним куда охотнее, чем гончий пес за хозяйской подачкой. Вот, что значит быть падшим, приходится еще и питаться падалью, конечно же она не сказала этого вслух, но с ужасом наблюдала за своей новой ручной зверюшкой, старательно обгладывавшей кость.

При всей омерзительности подобного поступка Мадеэль совсем не производил впечатление того, кто летает над кладбищами и поедает трупы. Окрашенные кровью губы стали

казаться даже чересчур соблазнительными. Так не привлекает и цвет рубина. Рианон захотелось прижаться к ним долгим поцелуем и даже слизнуть эту кровь. Какой она будет на вкус? Какой вообще бывает на вкус кровь врага пролитая в бою? И что ты ощущаешь если кровь для тебя является пищей?

– Теперь ты презираешь меня? – его голос был удивительно спокойным. – Тебе это отвратительно?

– Почему же, я и сама убивала не раз, – ей вспомнилось поле боя.

– Но никогда не поедала их останки, – резонно поправил он. – Тебе должен быть противен тот, кто насыщается трупами, правда? Это унижает ангела во мне, бывшего ангела и теперешнего демона, хоть лик ангела и сохранен.

– Напротив, возвышает, ангелы бесстрастны, они сами не страдали, поэтому не могут нам сочувствовать, а ты знаешь человеческую боль.

– А еще звериный голод и жажду крови.

– Ты больше чем ангел, – с поразившей ее самую уверенностью возразила она.

– Я хочу быть тем ангелом, которого полюбишь ты. Ты останешься со мной навсегда?

Она посмотрела на окружающих темных монстров в нишах, а потом перевела взгляд на его светлое лицо.

– Да!

Это было бы все равно, как если бы он принял ее здесь, как

свою наследницу и ученицу, рассказал бы ей историю мира и своего падения. Редкий миг откровения, когда ты смотришь в чьи-то глаза и видишь в них суть всего.

– Я хотел восхитить тебя, но не знал как.

– Я восхитилась тобой еще тогда на поле боя, а когда ты снял шлем, ты помнишь, твои волосы, как заря, ты сын зари, и если бы среди поверженных врагов в разгар биты ты провел бы всего один без шлема, чтобы все видели твое лицо, то думаю это поразило бы их еще больше чем твой огненный меч.

– А что ты скажешь о моем пиршестве?

– Это не важно, – она с безразличием окинула взглядом кровавое месиво на золотом блюде.

– Правда?

Она протянула руку, желая коснуться его, хотя через длину стола это было и невозможно, но он уже оказался рядом, их пальцы переплелись и сжались.

– Скажи, что все это для тебя не имеет значения, что это тебя совсем не пугает.

Его лицо было совсем рядом, светящееся как свеча, только еще более приятным таинственным светом. Она могла рассмотреть каждый волосок золотых ресниц, ощутить обжигающее дыхание. Оно могло бы опалить ей щеку, но не жгло. Находиться возле него это все равно, что в жертле вулкана, вот-вот извергающаяся лава может поглотить все вокруг и тебя, но Рианон не боялась. Все равно лучше быть

с ним, чем без него. Потому что в конце концов он хозяин всего волшебства, что есть в мире. Без него этот мир стал бы пуст и невыносим.

– И ад трепещет пред тобой, и твой лик, как солнце, разгоняет тьму, и его боятся демоны, и я люблю тебя, хоть ты и ангел, мой друг, – и Рианон сделала то, что ей уже хотелось, просто прильнула к его губам поцелуем. Она не ощутила вкуса крови, только уже привычный, свежий, как роса вкус его губ. Было так приятно думать, что до нее их никто не целовал. Никто просто не мог решиться на такое святотатство, поцеловать ангела в губы. Она стала первой и ей это понравилось.

– Тебе нужно увидеть еще кое-что, – он взял ее за руку и снова повел куда-то. – Это не Собор Грома, конечно, там все четче и реальнее, но оттуда живыми уже не уходят. Однако мне тоже нужно было иметь собственную капеллу... как место воспоминания и преклонения перед прошлым.

– Здесь? – она не видела в башне ничего напоминавшего место для молений. Возможно, это было и не оно, а нечто похожее. Все мрачные залы здесь были похожи одна на другую, поэтому когда они очутились в узком круглом пространстве Рианон не заметила особой разницы, пока не глянула на стены.

Она сразу же заметила фрески. Здесь их было так много, они описывали круг и казалось, что это пространство является замкнутым. Странно, еще секунду назад она видела

вход. Они же как-то вошли, а теперь выхода будто не существовало. Но Мадеэль этого будто даже не заметил, он взял ее руку и приложил к стене, чуть пониже фрески.

– Чувствуешь?

Она кивнула. Тихая вибрация внутри камня передалась и ей, будто шорох сразу тысяч и тысяч крыл. Кожу одновременно обдало и холодом и жаром.

– Небесная война и память о ней. Подумай только, Рианон, первая война, которая была в мире, состоялась в небесах... – он коротко усмехнулся. Ей казалось, он хочет сказать что-то резкое, опорочить чем-то самого себя, но стоило лишь взглянуть на фрески и любой сарказм терялся в их грандиозности. Сцены врезались в память, выполненные чем-то вроде однотонной пастели, но такие яркие, что сознание уже отказывалось переключиться на что-то кроме них. Вот так стоит взглянуть всего раз и навсегда попасть в плен, потому что мозг никогда уже не сможет воспринять ничего другого. Ей вдруг стало больно.

– Зачем все это?

Он только пожал плечами.

– Ты хотела знать, как все это было.

– Да, но я не знала, что так... – она захотела отвернуться от картин, но они были повсюду, смыкались кольцом вокруг нее, взирали со всех стен и уйти от них было просто некуда. Это бесконечный круговорот и попав в его кольцо уже не можешь вырваться. С тех пор как небесная война мино-

вала в этом кольце наверное кружиться весь мир, сам не подозревая того, зачем он весь устроен. А истину знает лишь Мадзеэль, незыблемый, как его башня уходящая в небеса.

Рианон не боялась находиться с ним в темноте, потому что он светился сам собой, возможно однажды она не испугается и высоты, потому что наконец-то поймет, что его крылья достаточно сильны для того, чтобы удержать их обоих.

Сейчас ее охватывал трепет при виде фресок. Они тоже как будто светились изнутри, но этого света хватало только на то, чтобы озарить их самих, но не развеять окружающую мглу. Она следила за тщательно вырисованными силуэтами, которые казалось до сих пор двигались. Неужели эта дикая сводящая с ума красота действительна когда-то существовала. Ей приходили на ум лишь изуродованные существа и отмеченные страшными изъятиями фейри. Разве могли они когда-то быть другим.

Мадзеэль тихо кивнул, как если бы уловил на расстоянии ее мысль.

– Война в небесах, падение, у нас появились когти, наши крылья стали темными, но сердца остались мятежными и прекрасными.

– Может ли быть сердце у падшего ангела? – Рианон посмотрела на фреску.

– Не слушай, что говорят обо мне люди, – предупредил ее вопрос Мадзеэль. – Они всего лишь люди в конце концов, – он пренебрежительно передернул плечами и крылья встре-

пенулись за его спиной. — Люди ничего не знают и это извиняет их, невежество принимает то, что показывает в основном ложь, а не истину, им привычнее считать меня злом, потому что я лишь прикрытия для несправедливости бога или его справедливой кары, но глупцам удобнее называть злом того, кто его творит, а не того, кто руководит творящим, отдавая приказы. Мир считал, что я черен, для них зло я, зло на поверхности, а не изнутри, но ты... — его красивые губы застыли на полуслове, и даже не пытались ловить воздух после долгой речи, казалось он задохнется от переполнявших его эмоций. Его руки шевельнулись быстро и неуловимо, их движение — миг, незаметный для взгляда и вот он уже взял ее лицо в ладони и приблизил губы для поцелуя. — Ты одна заглянула мне в душу и не содрогнулась от того, что ты там увидела.

Шепнул Мадезль, проникновенно и яростно. Какое обольщение кроется в такой искренности. Его шелковистые русые волосы до плеч, его чистая кожа, мягкие губы, крылья, он ангел, но с чертами испуганного, страдающего, влюбленного мальчишки, очень ранимого и совсем замучавшегося от любви. Его красивые черты выражали муку и смятение и от этого ангельская красота сияла еще чище, еще притягательнее. Рианон хотела отвернуться, но вместо этого встретилась губами с его поцелуем. Подумать только она целовала это странное, опасное, божественное существо. Еще недавно он жил только в легендах, а теперь он был рядом, насто-

ящий и живой, и он действительно оказался ангелом. Рианон зажмурилась ощущая холодный сладкий вкус нечеловеческих губ и какую-то отчаянную безысходную любовь. Чувство, которое раздирало его на части, точно так же как его когти раздирают на куски тело мертвой жертвы.

– Почему? – она не знала, как облечь свои мысли в слова, поэтому просто спросила. – Почему ты не погубишь меня как других, как тех, кто шел за тобой в бой и как многих уже в мире смертных. Зачем я тебе нужна?

– Я хочу считать тебя частью себя, потому что без тебя я ничто.

– Но ты ангел.

– Только когда рядом ты, без тебя я демон, – его пальцы скользнули по ее обнаженным плечам, сейчас они оставят на них кровавый след, в ее сознании что-то вспыхнуло, какое-то эхо состоящее из какофонии криков и голосов заполнило слух. Эхо войны в небесах. Она видела это так, как если бы это происходило сейчас перед ней. Однако никакого сражения уже не было, оно осталось лишь запечатленным на сетчатке его глаз и теперь передавалось ей. Не было не хаоса, ни криков, на самом деле это все только яростное воспоминание. А рядом стоит тот, кто все это затеял.

– Будь моим демоном, – предложила Рианон. Она действительно этого хотела, в отличии от Орфея, который навязался ей сам, Мадзеэль был бы нужен ей в любом качестве.

– Как пожелаешь, принцесса, – эхом откликнулся он.

Когда он выводил ее из маленького пространства с фресками, она так и не успела заметить щель для выхода, однако тварей копошащихся у них под ногами она видела отлично даже в темноте. Чьи-то когти задели ее подол, оставляя темный пепельный след. Мадеэль неожиданно яростно отшвырнул нескольких тварей находившихся рядом. Он бы грубо оттолкнул и слетевшего откуда-то сверху ифрита, если бы вдруг не вспомнил о чем-то более срочном. Он произнес всего несколько слов, которых Рианон не поняла и ифрит тут же кинулся исполнять его поручение.

– Я говорил тебе, что здесь есть комнаты, в которые нельзя заходить никому кроме меня?

– Да, – она уже и не надеялась оказаться в красивом помещении и не встретить там какое-то жуткое существо. Когда он принес ее в хорошо освещенные комнаты, где не было ни темно-пурпурных кровавых расцветок, ни ползающих по полу демонов, Рианон вначале даже не поверила. Она все ждала, что какие-то жуткие твари выползут из-за золотистых драпировок, мраморных амфор с необычными цветами или прямо из плит пола, но ничего такого не происходило. Только странные и удивительные белые цветы как будто шевелились сами по себе в тесных горлышках амфор. Казалось они живут и шепчут... Рианон в изумлении уставилась на них и не сразу заметила огромную мраморную ванну на гнутых золотых ножках, выполненных в форме львиных когтей. Внутри пузырилась подогретая вода. В другой ком-

нате ждало застеленное ложе под куполообразным балдахином. Как быстро его слуги все приготовили. Рианон задумалась о том, сколько усилий пришлось приложить бы горничным, чтобы приготовить ей ванну или даже бадью с горячей водой. Воду ведь пришлось бы ведрами таскать с кухни и это заняло бы куда больше времени, чем само купание. А здесь все заняло считанные минуты. И это было не самое лучшее, что он мог ей предоставить. Рианон знала, что стоит ей только захотеть какую-то вещь, пусть даже самую ценную и невероятную, и спустя несколько мгновений он принесет ей это.

– Смелее! Нужно смыть кровь и пепел, – он начал осторожно расшнуровывать ей платье, как будто делал это в первый раз. Шнурки, как обычно, сами поддавались и развязывались. Спустя миг пышное облако кружев и атласа плавно соскользнуло на пол. Рианон ощутила согревающую теплоту воды и послушно опустилась в ванну. Это оказалось приятно, несмотря на то, что в воде как будто что-то шевелилось. Она вытянула ноги вперед, но ничего не нащупала, ее пальцы коснулись лишь мраморных краев.

Мадеэль ополоснул водой ее волосы и слегка пригладил непослушные золотистые завитки на висках.

– Ты принцесса земных, но не забывай о падших, – прошептал он, склоняясь к ее уху. – Они тоже ждут тебя.

– Ты хочешь, чтобы я не боялась больше этих существ ползающих под моими ногами, – спросила она его мысленно, потому что на слова уже не осталось сил. Тело охватило

приятная нега, не хотелось не двигаться, ни говорить.

Он нежно помассировал ее плечи вздымавшиеся над водой.

– Раз уж ты выбрала меня, то тебе пора привыкать поведовать им.

– Что ты имеешь в виду?

– Нельзя бояться тех, кто рано или поздно окажется у тебя в подчинении.

– Ты хочешь сказать, что обещаешь мне власть над ними.

Он провел рукой по ее щеке, оставляя влажный след.

– Я уже позволил тебе занять место рядом с собой.

Она посмотрела на него как будто со стороны. Он прекращен, в ее компании он уже не скрывает свои крылья под плащом, ангел склоняется над ней через край мраморной ванной и целует ее. Не сон ли все это? Рианон ощутила его губы на своих и поняла, что не сон. Это была плоть и в то же время не плоть, текстура кожи мягче шелка и бархата, и от дыхания пахнет аромат лилий. Райские цветы. Мадзеэль уже показывал ей их и те отвратительные черные существа, которые в них живут. Но все равно цветы были неподражаемы. Они опьяняли точно так же, как опьяняло само присутствие рядом Мадзеэля. Как удивительно и приятно знать, что чудо, которое все ищут, прямо рядом с тобой. Для нее он был этим чудом, а не дьяволом. Рианон почувствовала, что вода в ванне стала заметно горячее и по ней пошли пузырьки. Будто лава в том вулкане, мелькнуло у нее в голове. Еще чуть-чуть

и она начнет обжигать кожу.

– Стоит мне дохнуть на нее и она превратиться в лед. Ты этого хочешь? – шепнул он, обдавая ее ухо прохладным дыханием. Рядом с ним не нежно было бояться ни жара, ни холода, температура крылатого тела рядом с ней изменялась в зависимости от его собственного желания. Он ждал ее ответа, просьбы или повеления? Рианон обернулась.

– Не знаю, – она заглянула в его прозрачные глаза и предложила. – Лучше сделай так, чтобы на ней расцвели лилии.

Он понимающе кивнул. Находясь долго рядом с ним она привыкла к этим цветам и начала ощущать к ним почти что тягу. Лилии зачаровывали, как часть его самого, как огонь, как странный гравированный меч неземной коки, как любая часть великой небесной войны, падения и возрождения. Рианон задумалась и даже не сразу ощутила, как длинные скользкие стебли потянулись к ее ногам. Цветы распускались прямо на мыльной воде возле ее рук, над коленками, даже в волосах. От их буйного цветения вода в ванне перестала быть мутной.

– Нравится? – его голос был проникновенный и завораживающим. Длинные тонкие пальцы выбрали лепестки из ее волос.

Рианон смогла только кивнуть. Аромат лилий смешенный со свежестью воды опьянял ее. Чем дольше и пышнее ни цвели, тем более стойким он становился.

– Я могу так многое тебе показать. Столько чудес, – тихо

шептал он ей. – Ты даже не представляешь сколько еще мне подвластно и сколько я готов сделать ради тебя.

Рианон невольно напряглась. Слова прозвучали, как обещание жертвы. Но почему он должен приносить что-то в жертву ради нее? Разве он и так уже не пожертвовал всем ради своего восстания? Что теперь с него еще могут потребовать? Ей показалось, что его дыхание обжигает ей щеку.

– Почему нужно что-то делать? – она насупила брови, как капризный ребенок. – Почему нельзя получить за бесплатно хотя бы то, что есть у всех. Нежность, привязанность, дружбу... Почему всего этого не должно быть у тебя? Бог так захотел? Это его ревность? Он хотел навсегда оставить тебя одного?

Она понимала, что ответов на все эти вопросы невозможно получить, но уже привыкла обращаться к нему, как к некому всезнающему наставнику. Он знал все и обо всем. Или почти все. Истолковать причин своего поражения он не мог. И всего-то. Он не знал лишь того, что твориться в голове у всевышнего. Или притворялся, что не знал? Ты мой бог, хотелось прошептать ей, потому что только ты дал мне то, в чем сам бог отказывал – минуты покоя и даже блаженства. Поэтому мое божество теперь ты. Но она промолчала. Он знал это и так. А она сознавала, что имея его ей не нужно было искать путь в Школу Чернокнижия. Зачем? Разве там бы ей дали такого наставника? Ее другом стал тот, от кого все это пошло. Кто мог обучить бы ее всем премудростям

магии лучше чем он. А еще он знал ответы на все те вопросы, которые другим нельзя было даже задать. На близость с таким существом Рианон никогда и не рассчитывала. Это был подарок судьбы. Как говорят провидение. Или же это был шаг против самой судьбы? То, что они объединились противоречило, наверное, всем законам, уставам и самому устройству вселенной. Но это произошло. Рианон ударила кулаком по воде так, что разошлись круги и разлетелись брызги. Она никому не позволит это у себя отнять. Мадеэль прижался к ее затылку прохладным лбом, капли воды казались жидкими алмазами на его коже, они путались и сверкали в его кудрях, как бриллиантовая пыль, только еще больше подчеркивая их золотой блеск. Как абсолютно бесцветный лик будто сотканный из облака или эфира может быть таким красивым. Рианон этого не понимала, но ей это нравилось. Нравилось просто смотреть на него и изучать взглядом эту непостижимую небесную красоту. Говорят, даже на небе она была уникальной. Естественно здесь на земле ее приходилось прятать под шлемом или капюшоном, чтобы не изумлять людей. Рианон увидела то, что другим было нельзя. Вопреки опасениям это ее не обожгло. Смотреть на солнце и прикасаться к нему оказалось так приятно. Солнцем был он, точнее даже чем-то более обжигающим и опасным, чем солнечный свет, но Рианон понравилось быть в его обществе. Какая ей разница, что все его так бояться. Ее одну он подпустил к себе близко, слишком близко, почти внутрь самого себя.

Значит теперь ей бояться вообще нечего. Пока она с ним, он от всего ее защитит. Рианон вдруг вспомнила о своем королевстве. Как давно она уже не думала о нем? С тех пор, как оказалась в его шатре и увидела перед собой настоящего ангела. Ему бы не составило труда вернуть ей ее трон. Но пока еще рано говорить об этом. Ей нужно было все обдумать и только потом изложить свою просьбу. А может быть однажды он сам предложит ей свою помощь. Время покажет. А пока что лилии манили ее утонуть в забвении. Она бы уснула и погрузилась в ванну, если бы он не начал вытаскивать ее из воды. Скользкие стебли уже успели обвиться вокруг ее лодышек и запястий. На даже не сразу заметила, что стебли живые и весьма цепкие.

– Осторожно! – предупредил он ее, высвобождая из пут. – Это же не просто цветы...

– Я должна была догадаться, – она ощутила на коже мягкость шелковой ткани. Он укутал ее плечи покрывалом с постели.

– Лилии мои цветы, – тихо нашептывал он, пока нес ее к кровати. – Они так похожи на те, что были у меня там... на небесах, прислушайся к шепоту их лепестков и ты услышишь мои мысли, мои желания. Если однажды я буду далеко, всего лишь подойди к лилиям и прислушайся. Или скажи то, что хочешь сказать мне. Они мои. Они передадут мне все услышанное. Они приведут ко мне тебя саму, если ты слушаешь их. Они шепчут всегда.

– Да, я знаю, – она вспомнила пруд и ощущения того, что рядом кто-то есть. А это были всего лишь цветы и тихое шипение в воздухе над ними. Теперь она все понимала. От его кожи тоже исходил тонкий аромат лилий, только он был более приятным чем тот, что источали цветы, возможно он смешивался с его собственным особым запахом. Рианон прижалась губами к бархатистой коже на его плече. Она была прохладной и нежной, будто лепестки цветов, растущих прямо на студеной воде. Лилии! Мадеэль! Небесный огонь! Нет, огонь ее больше не пугал. Его объятия спасали от огня.

– Но сгореть вместе с тобой мне не страшно, – произнесла она, а потом свеча потухла и ее слова утонули в поцелуе. Были только движения и тихий шелест крыльев. Вот таким должен был быть настоящий рай. Сближение, соединение, ритмичные толчки удовольствия, мягкость шелка и звериных шкур под спиной и гладкое сильное тело рядом. Что значит стать одним целым с ангелом? Это только акт любви или нечто большее? Это схватка или освобождение? Ей нравилось все и ярость, и страсть, и последующая за этим нежность. С ним было приятно все, потому что он все-таки все еще оставался ангелом.

Проснувшись она как всегда обнаружила в изножьях постели новое платье. Мадеэля опять рядом не было. Он как будто нарочно все время оставлял ее просыпаться одну. Или у него правда были неотложные дела. Рианон встала и оде-

лась. Хватит ли у нее смелости, чтобы самой выйти из уютных необитаемых покоев и отправиться искать его в башне, где каждый дюйм пола кишит какими-то тварями. Рианон подумала и решила, что стоит рискнуть. В конце концов Мадеэль сам сказал ей, что она не должна бояться их. Если они служат ему, то когда-нибудь станут служить и ей. Однако для этого им сначала придется понять, что она заняла прочное положение при их господине. Его королева... Королева ада. Она куда охотнее стала бы королевой Лорета. Но уже вышло, как вышло.

Рианон вышла из изолированных покоев и опасливо осмотрелась по сторонам. Ее гарпия бегала под порогом, явно ожидая ее. По крайней мере теперь у нее появилась личная прислуга. Рианон знала, что не надо ни звать, ни приказывать, гарпия и так всюду побежит за ней.

Перед дверями одной большой залы Рианон все же задержалась. Ей показалось, что внутри кто-то есть. Переступив порог она почти сразу же пожалела об этом. Хотя пол и стены оставались необитаемыми, на потолке что-то шевелилось. Она перевела взгляд вверх и невольно затаила дыхание. Именно такое существо она всегда хотела увидеть и именно его сейчас боялась. Оно парило прямо над ней и это его светящаяся чешуя освещала залу настолько, что здесь было светло, как днем. Раскрывшиеся, будто в полете крылья, как пластины прильнули к потолку. Дракон не парил над залой, он словно приклеился к фреске, стал частью

рописи, только он был не нарисованным, а вполне настоящим, как те чудовища, сопровождавшие Мадеэля, но в отличии от них он был... золотым. Яркий, как сокровища в пещере, рельефный и сверкающий. Два распластавшихся по верху крыла напоминали полы плаща. Он висел прямо над залой, он мог в любой миг дохнуть огнем и уничтожить все это великолепие, и ее саму. Рианон вздрогнула. Кто ты? Всего лишь мысленный вопрос, без звуков, как учил ее Орфей. Вопрос остался без ответа, но драконьи крылья вдруг взмахнули и правда обратились в полы плаща. Через секунду Мадеэль с озорной улыбкой уже спрыгнул на пол. Золотой кирасы на нем не было, но плащ на фоне темной одежды оставался золотым, и только несколько секунд спустя начал чернеть. Волосы рассыпавшиеся по вороту сияли подобно заре, точно так же мгновение назад переливалась чешуя дракона, прильнувшего к покрытому росписью куполу потолка.

– Я тоже могу быть таким, – полушутя заявил он. – Только я всегда предпочитаю золотой цвет, золото – это привилегия, все сразу замечают властелина. Золото королевской короны, золото зари и золото твоих волос.

Он чуть наклонился и прижался губами к ее ладони, легкий поцелуй, как обычно обжигал. Ничто не заставляло усомниться в том, что по его жилам вместо крови течет пламя.

– Ты не такая, как все, Рианон, ведь правда? – он сошурившись, присмотрелся к ней, будто пытался определить это взглядом. – Ты ведь можешь меня понять.

– И твоих драконов?

– Только меня... – он все еще не мог смириться с тем, что оказался в обществе изуродованных и отвергнутых. И это при его красоте. Рианон не могла вырвать руку, хотя чувствовала, что соприкасается с огнем. Там под кожей того, кто стоит перед ней медленно закипает пламя. Оно взорвется в любой момент, в ярости, в пожаре, во внезапном безумии или же он тоже может быть нормальным иногда.

Он ощутил вопрос в ее взгляде и потупился, золотые ресницы легли на щеки, от них не исходило тени только сияние. Нет, обыкновенным человеком Мадеэль не смог бы притвориться никогда.

– Тебе идет бирюза, – произнес он не комплимент, только непреложную истину.

Рианон знала, что на ее парчовое платье бирюзового цвета и ожерелья косо смотрят. Да, украшения ей идут, но видя ее в них, никто из здешних не посмеет заговорить с ней из страха, ведь она носит подарок господина. Поэтому она на высоте, как и он, недостижимая для приземленных творений, но все равно не способная летать.

– Я мог бы научить тебя всему, что умею сам, – как бы невзначай обмолвился он.

Надо было ловить момент и спрашивать его о том, кто эти дамы и господа, которые собираются здесь и те существа в накидках, которые едва умеют ползать на четвереньках без разницы по полам или по стенам, почему они соби-

раются здесь, чего хотят. Нужно спрашивать, пока он хочет отвечать, но Рианон не решилась.

Краем глаза она заметила какое-то копошение на полу под порогом залы и невольно передернулась от отвращения.

– Они здесь повсюду, – скривила губы она. – И если я правильно поняла, то над этой башней никогда не встает солнце.

– Нет, никогда, – согласился он. – Здесь царство темноты, а долина за Темной Косой покрыта такой заразой, о которой страшно вспоминать даже моим падшим. Только не подумай, я не пускаю в башню прокаженных, они ползают там, на землях охваченных чумой. Чаще всего они зарают смертных, разносят эпидемии. Если встретишь их ни в коем случае не позволяй приблизиться к тебе. Заметив кого-то зараженного, ты сразу поймешь, что что-то не так.

– Ты хочешь сказать, что есть кто-то еще хуже чем здешние обитатели? – она вспыхнула. Она ни как не могла поверить в это. Ее кулаки непроизвольно сжались. – Здесь всюду черные твари, следы пепла и крови. И это и есть тот дом, который ты мне обещал? Мне придется жить здесь до конца своих дней, точнее до конца вечности...

– Со мной.

– И с ними, – она гневно указала на выход из залы и черные тени в пролете дверей. – Я устала от них, такое ощущение, что это они владеют этой башней, а не ты.

Он на миг отвернулся. Будь у него человеческое лицо и его щеки наверное бы вспыхнули.

– Ты сомневаешься в том, что это я управляю ими?

– Я сомневаюсь в том, что не хочу вернуться в твой походный шатер.

– Ну тогда все не поздно еще исправить, – он с силой схватил ее руку.

– Куда ты на этот раз? – она неожиданно испугалась.

– Я покажу тебе одно место, которое приготовил специально для тебя. Правда оно еще не совсем отстроено, но думаю уже можно посмотреть.

– Надеюсь это не плаха, ни камера для пыток, ни застенки?

– Ты слишком низкого обо мне мнения, – уголки его губ слегка разошлись в усмешке, – если я собираюсь кого-то пытаться, то у меня есть более изощренные методы.

– Ты просто хочешь скормить меня своим адским тварям, – она попыталась вырваться из его рук, но с таким же успехом можно было пытаться разжать хватку каменной статуи.

– Если я однажды захочу это сделать, то сделаю, – он хотел перекинуть сопротивляющуюся девушку через плечо, но потом передумал и просто крепко прижал ее к груди. Его крылья плотно сомкнутые над ними обоими все равно не позволили бы ей вырваться.

– Раз тебе нужно место, где ты будешь хозяйничать одна наедине с пустыми залами, то я дам тебе такое место. И никто кроме тебя туда не войдет.

– Ты хочешь меня запугать.

– Ни чуть, – он легко оторвался от земли и сопротивляться ему уже не имело смысла. – Я никогда не шучу, Рианон, если я обещал что-то, то я это сделал.

Поскольку они летели слишком высоко над уровнем земли она предпочла поверить ему.

– Куда ты меня несешь? – ей было неприятно осознавать собственную беспомощность, если он сейчас захочет разжать руки и выпустить ее он это сделает.

– Тебе не понравилось жить там, где всегда царит тьма, – напомнил он. – Возможно, там где начинается рассвет, ты почувствуешь себя лучше. В любом случае я давно уже выбрал то место именно для тебя.

– Для меня? Но ты даже меня не спросил.

Он только пожал плечами. И еще один мощный взмах его крыльев навечно отделил их от тьмы.

Почти небеса

Какую красоту может таить в себе восход. Вечный восход. Рианон и не представляла, что иллюзия, которую другие могут увидеть лишь в часы рассвета, может существовать на самом деле. Но она существовала и на самом деле была постоянной. Это смертные могли видеть ее лишь миг, когда встанет солнце, а потом уже нет. Для ее же неземного спутника временных рамок не существовало. Он просто был хозяином этого места и если и позволял случайным прохожим изредка заглядывать в его владения, то лишь для того, что свети этих глупцов с ума. То же самое наверное ощущают люди, которые склонившись к замочной скважине, рассчитывают через нее на миг увидеть рай и не ослепнуть от такого зрелища. То же самое ощущала сейчас и Рианон. Она боялась, что все это исчезнет. Если бы Мадеэля не было рядом, она бы не поверила тому, что видит перед собой. Одна она бы просто потерялась в этих небесных лабиринтах, как в неразборчивом сне. Но он был подле нее, неземной и могущественный, и рядом с ним все становилось возможным.

– Значит все это для меня?

Он только кивнул, предоставляя ей самой составить мнение о его особенно подарке. А это было грандиозное творение. Рианон оказалась даже не в силах оценить его масштабы. При слове дом она думала о дворце или небольшом мрач-

ном замке высящемся на вершине скал, но только не о таком великолепии. Она бы даже не нашла слов, чтобы описать все. Райские сады перед этим ничто, хотя спутник за ее спиной наверняка считал иначе.

Рианон вздохнула. Как убедить его, что о большем она и не мечтала. Он наверняка и сам это знал, но все равно хотел предположить ей что-то еще. Однако ей пока было достаточно и этого.

– Как ты все это смог? – грандиозность его творения все еще никак не укладывалась у нее в голове.

– Я же говорил тебе, что для меня нет ничего невозможного.

– Теперь и для меня, – она вдруг резко осознала, что рядом с ним может не задумываться ни о каких трудностях. Он в мгновение ока способен осуществить любую ее мечту, пусть даже самую невероятную. Ненадолго ее оставили даже мысли о покинутом Лоретте. Ее даже не мучила совесть из-за того, что она забыла про собственное королевство и свое честолюбие. Наверное, так ощущает себя каждый, кому предложили вдруг такую волшебную игрушку. О владении подобном этому нельзя было даже и мечтать.

Оно как будто простиралось в небесах в смешенных цветах зари и радуги, но оно было реальным. Башни, лоджии и аркады возвышались над уровнем облаков и почти сливались с ними. Кстати, Рианон не заметила, чтобы основание всего этого грандиозного строения хоть где-то соприка-

салось с землей. Что же это тогда? Небесный город, целиком пустынный, но обвивший беломраморным кружевом все поднебесье? Или это сказочный замок сделанные специально для нее, но где же тогда фундамент, сваи, ров? Где дорога, которая туда ведет? И как туда добраться, если ее просто нет? Неужели туда можно попасть только обладая крыльями, как и в черную башню Мадеэля?

Минуту Рианон размышляла об этом, но потом больше увлеклась разглядыванием узорчатых балюстрад, зубцов парапетов и открытых галерей. Все это извивалось в небесах, как некая причудливая арабеска. Башни и переходы казались ажурным переплетением затерявшимся в облаках. Интересно из чего они сделаны? Из белого мрамора, песчаника или очень светлого камня? И почему в них отражаются все переливы бликов радуги и восхода? Не могут же они иметь еще и зеркальное покрытие. Солнце как раз начало всходить в зенит и Рианон на миг зажмурилась от его ослепительно сияния. Казалось, в этот миг все грани замка тоже вспыхнули и занялись невообразимым светом.

– Хочешь побывать внутри? – предупредительно спросил ее Мадеэль.

– Да, конечно... – как он мог об этом еще спрашивать, неужели не видно, что она уже горит от нетерпения.

– Тогда полетели, – он обхватил ее еще крепче и поднялся выше. Ее ожидания оправдались, туда действительно можно попасть, только если умеешь летать. Но это ведь еще зна-

чит, что без него она не сможет оттуда выбраться. Рианон хотелось не сомневаться в том, что он отпустит ее обратно на землю в любой момент, как только она пожелает. И все-таки смутное сомнение начало ее гложить. Что если он не захочет ее отпускать?

Когда они подлетели ближе, она смогла оценить всю сложность конструкции и украшений. Башни в форме кубов, ромбов и шахматных фигур перемежались с крытыми переходами, висячими садами и витиеватыми галереями. Все это можно было принять за лабиринт, сложный и запутанный, но блуждать по нему было бы фантастическим сном. Это все и выглядело, как фантазия. Рианон на миг даже испугалась, что все это может быть лишь фантазией, чем-то вроде миража. Так уставши в поисках берега моряки могут вообразить себе вдали фата-моргану. Но ведь с ней был Мадеэль, если все это не настоящее, то и он только ее сон. А она ощущала его руки на своей талии и ритмичные взмахи его мощных крыл. Он поднимал ее выше в небеса, все ближе к своей небесной постройке. Она даже наконец смогла рассмотреть, что вся сложная архитектура здания сводиться в середине к форме сердца. Именно на нем сосредотачивались лучи восхода. Где бы сейчас не было солнце, но в переходах в самой середине образовавших сердечный изгиб всегда отражался ало-золотой восход.

Рианон даже невольно прошептала:

– Иллюзия? Все это иллюзия?

– Нет, настоящая постройка, – серьезно возразил он. – Все можно потрогать и пройтись по этому, там можно жить... вечность в западне, как я.

– Кто выстроил все это? Ты сам? Но как ты успел, если почти все время проводил со мной, в шатре?

Он тихо хохотнул, имитируя эхо.

– Помнишь тех демонов, что стаскивали для меня глыбы и валуны?

– Они так и не закончили. Ты обещал, что не будешь заставлять их дальше...

– Я нашел для них более полезное занятие. И теперь у тебя есть замок... твоё собственное миниатюрное королевство, которое ты можешь считать замком, потому что королева в нем только ты.

– На мой взгляд это огромное королевство, – ей казалось, что все необозримое пространство небес заполнено ажурными переплетениями её нового дома. Она не могла даже охватить взглядом все это.

– Оно твоё. И как только работы по убранству внутренних покоев будут закончены, туда не войдет ни один нежеланный для тебя посетитель. Твоё новое владение теперь находится в поднебесье, конечно, туда могли бы добраться те, у кого есть крылья, ну... я не птиц имею в виду, ты знаешь кого, – его обжигающее дыхание обдало её щеку. – Но клянусь кроме меня никто не посмеет к тебе проникнуть. А ко мне ты уже привыкла. Так что эту обитель мы будем делить вместе

на двоих. Как тебе она?

– Там безопасно? – Рианон вспомнила о своем страхе перед высотой.

– Абсолютно, не только магия, держатели камней и блоков не дадут этому свалиться. Ты видишь те переходы?

Только теперь ее зрение приблизилось, как в подзорной трубе, которой однако не было, было лишь магическое расширение зрачков и она различила сначала тритонов, поддерживающих своды галерей и башен, а вокруг донжона кариатиды – черные феи, изогнутые, как спираль, а кругом сердца будто парящие над его дугами, как бордюр или вензеля красные ангелы из кварца или красного мрамора, наверное, или редкой породы, которая извлечена карликами-строителями, но не людьми.

– В той башне в форме книги с ангелом – библиотека, – Мадэль вытянул руку и указал вперед в самый угол в высоте. – Вон в той самый большой ряд каминов, чтобы ты могла смело практиковать свой огонь и никого не спалить, там их целая анфилада, и экраны, которые можно жечь сколько хочешь, они при каждом восстановлении будут становиться лишь красивее, в подвале для этого же жаровни и котлы, хлопни там в ладони и гномы будут служить, из ближайшего рва и подземного канала приползут моргены, если позовешь и потушат огонь, только позови, там есть проточный пруд, из которого никсы тут же вынырнут они все липкие, скользкие и злые, но тебя они будут уважать и служить тебе, ты

ведь из огня, то есть противоположность, а не их собрат... Повинуются только тем, кого нельзя назвать ровней.

— Или тем, кого взял под свою опеку кто-то сильнейший, — не вопрос, всего лишь опыт, неожиданный и для нее, и для него.

— Конечно, — Мадеэль рукой обхватил ее за талию и притянул к себе. Он никогда не лицемерил, всегда напрямую, глядя противнику в глаза признавал, что он зло и сила, сокрушающая сила, и Рианон казалась, что подобная честность окупает любой грех, нужно просто смело посмотреть кому-то в глаза и сказать «да, я дьявол, но я это не стыжусь, потому, что такова моя сущность, к чему прятаться от самого себя, как это делают другие, я горд тем, что пал в своем величии, а не преклонении и в этом моя сила». За этого она его и уважала, дело даже не в том, что сильному нечего утаивать, а в прямоте ангела. Ложь отвратительна, лесть оставляет смущающий осадок, а прямолинейность, хоть и наносит рану, но открывает правду, которую всегда лучше знать. Зачем скрывать какое-то порочное намерение, если оно есть. Мадеэль и не скрывал, для него все это тоже было в новинку, но смущения он не выказывал. — Огонь — божество, все бояться огня, самая высокая башня огня, с нее будут видны звезды, а также все костры, печи и камины мира, любая зажженная спичка, если заберешься туда, сможешь наблюдать за любой искрой пламени, вспыхивающей где-то на земле. В донжоне самом верхнем этаже — балльный зал, ниже для пи-

ра, еще ниже кухни и сады прямо в них, мимо них лестница – спираль бюстов, между теми бастиянами озеро, не запутайся там в лилиях, они живые, как ползунки, в казне много золота, но оно никогда не кончается, это вон тот золотой проход, в левой квадратной башне, нависшей над пропастью – гардеробная с манекенами в твоих новых платьях и будуар, осторожно манекены живые, они продемонстрируют тебе все, что ты сможешь надеть, мои слуги заставили фей, лучших мастериц, пошить это все. Так, что тебе, я думаю, понравится. Выше анфилада залов и живых зеркал, в них все отражения мира, и что было, и что есть, и что будет.

Он говорил и говорил, будто боялся, что она прервет его, спросив о том, что может смутить, а голос вибрировал от волнение... волшебное эхо в долине.

Он сжал руки вокруг ее талии, его сильные крылья встрепнулись.

– Я отнесу тебя туда, вон в ту шахматную башню и мы сыграем, там есть чудесная доска, вот увидишь.

– А в твоей башне всего этого нет?

– Я не люблю роскошь, только мрак, – конечно, ведь сам он роскошен во мраке. – А это все для тебя. Лично мне нужно совсем немного и ты...

– А что в тех галереях, там где сердце?

– Пошли!

Там были статуи в разных позах и платьях, загадочные от пустых глазниц и выразительных мраморных улыбок,

и у всех было ее лицо. Целый ряд, точнее ряды, шеренги, выстроенная череда скульптур белых, изящных, на высоких, круглых консолях, как на крышке шкатулки. То была она многоликая и разнообразная, со множеством улыбок, выражений лица, поз и причесок, с локонами или шиньоном, в бальном платье «мюзени» от митенок или в корсете с завышенной талией, или в пеньюаре, пене кружев или атласа, с буфами и без них, в камзоле или в короне, нотными листами в руках, шпагой или за клавесином, склоненная в реверансе, прямая и гордая или делающая танцевальное па, раскрывающая веер или держащая ручное зеркальце, вздыхающая и смеющаяся, задумчивая и шутящая, полная энтузиазма, заинтригованная чем-то или печальная, столько статуй, все она, ее лицо, сотни слепков с ее лица и она во всех них, стоит оживить и получить вся ее жизнь. В самом центре под стеклянным куполом сердца она за клавесином на круглой консоли и последняя незаконченная статуя – она с крыльями ангела и в короне. Рианон обошла вокруг нее и потрогала крыло.

Сколько здесь ее лиц, это все она, разная и одинаковая, все мгновения ее жизни и чьей-то выдумки, все чувства и действия, вся грация, как искусно сделано,, человек так не смог бы. Все будто настоящие и неподвижные фигуры казалось были живыми, как застывшие в позе танцоры, если бы мертвый беломраморный блеск не выдавал их безжизненность. Мрамор белел в темноте, как мертвенное сияние. Гла-

за нельзя было сделать живыми, зрачков в них не было, пустые белые глазницы красиво, но странно сочетались с чуть коварной улыбкой, и это придавало им нечто зловещее. Рука творца! Какого творца? Она о нем даже не предполагала, потому что все это казалось нерукотворным, но в мыслях почему-то возник какой-то творец, странный, непрестанно работающий резцом и почти обезжизненный. в них не было того выражения умиления, как на обычных изваяниях, лица были кокетливы, лукавы или просто печальны, такого она никогда не видела.

– Это все я?

– На память, мне нужно было что-то на память, тебе ведь н было и я наблюдал за тобой.

– Ты сам это сделал, ни скульптор, да?

– Я вложил в него свою душу, и он продолжал работать, сам он опустел и я живу в нем и делаю все это его руками, мне нужна ты во всех твоих обликах, нужна до бесконечности.

Галерея ее мраморных двойников и правда уходила в бесконечность

Рианон могла бы гулять здесь целую вечность напролет и так всего и не осмотреть. От окружающего великолепия рябило в глазах и она не знала, в каком направлении пойти. Ей хотелось увидеть все, но пока она рассматривала окружающие ее залы, уходило время. Зато за окнами по-прежнему сиял рассвет. Наверное, здесь так будет вечно. Щурясь

от яркого приятно света Рианон разглядывала обстановку. Колонны, фонтаны, аркады, ступеньки и даже бордюр вокруг канала, все было из старинного червленого золота, такого, как из сундуков затонувших кораблей, и все источало слабое сияние, а поверх золотых же беседок и балюстрад в изобилии целыми нежно-сереновыми гроздьями обвивались благоухающие ветки мирта. От искрящейся воды в фонтанах исходила приятная свежесть. Здесь всегда была весна, даже если за пределами этого острова царствовали морозы. Здесь был... рай.

— Это наш рай, — подтвердил Мадээль за ее спиной. — Только наш...

Рианон обернулась и заметила настоящий кованый сундук с затонувшего корабля, открытый и полный блестящих монет. Червонцы сыпались из него пригоршнями, и совсем уж крошечные злые карлики, сдерживая ворчания, тут же переплавляли монеты, чтобы превратить их в настил плоских плит на полу перед маленьким фонтаном в арке, а бриллианты пойдут на украшения статуи в люнете за ним. Там уже тихо скребли стенку когти гарпий покрывая ее резьбой, и их черные крылья были похожи на шевелящиеся продолжение украшений — кусочки прежнего ада в аду. Или иллюзорный рай, в котором остались частички напоминавшие о том, что он представляет с собой на самом деле, но золото ведь было настоящим и мирт тоже, и искрящиеся струи воды. Это действительно был рай на тусклом фоне которого выделялись

ослепительным бледным светом трепещущие крылья Мадэля и его развевающиеся волосы, и лицо, которое было светлее дня.

— Это рай, пока ты в нем есть, — прошептал он над ее ухом. — Если тебе здесь не будет, он перестанет быть раем.

Внезапно она ощутила непрочность пола под своими ногами. Ей, наверное, это только показалось, каменный настил был плотным и монолитным, стены тоже, но Рианон почему-то чувствовала себя так, будто ступала по воде или по воздушным массам. Так должно быть чувствуют себе те, кто впервые вышли в море. Под дном судна плещутся волны и ты ощущаешь всеми членами качку при буре. Что ж, очевидно выйди она в открытый океан пусть даже в утлом суденышке, все было бы лучше, у нее не было морской болезни, но был другой недуг. Точнее страх. Не проходящий панический страх и сейчас он подкрался совсем близко, сжал сердце клешнями, обдал ее холодом и остался рядом, как живое и следящее за ней существо. Рианон невольно попятилась от Мадэля. Она знала, что хочет увидеть и одновременно боялась этого. Они как раз стояли в крытой галерее, нужно было только перегнуться через поддерживаемый витыми столбцами парапет и поглядеть вниз, но ее тошнило уже от одной мысли об этом. Она догадывалась, что там увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.